

18+

Наруто Руссо

137 ЧУДЕС
МАЛЕНЬКОЙ
ИСТОРИИ

Возможно ли будущее?

Наруто Руссо

**137 чудес маленькой истории.
Возможно ли будущее?**

«Издательские решения»

Руссо Н.

137 чудес маленькой истории. Возможно ли будущее? /
Н. Руссо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987597-6

Двое не совсем обыкновенных братьев в ходе социального эксперимента переезжают в закрытый город — Джанховет, в котором они заводят друзей, учатся в школе, веселятся и отдыхают, но, самое главное и грустное, вырастают. Мир «снаружи» тоже меняется. Порой мелочи влекут за собой значительные последствия.

ISBN 978-5-44-987597-6

© Руссо Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Падающие звёзды	6
Глава 2. Лучший день на свете	22
Глава 3. Я завещаю	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

137 чудес маленькой истории Возможно ли будущее?

Наруто Руссо

© Наруто Руссо, 2020

ISBN 978-5-4498-7597-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Падающие звёзды

В узкой картонной коробке в зимнюю пору с братьями и сестрами было даже тепло. Щенки ютились в одном углу, чтобы согреться. Рядом сидела пожилая женщина. Казалось, она спала. Туго укутанная толстым шарфом шея, хрупкие плечи, на которые взваливалось помимо вязанных кофт, тяжелой пуховой куртки еще и теплая накидка, маленькие болезненные ноги с варикозными язвами в толстых ботинках, запотевшие круглые очки, скрывающие глаза. Время от времени женщина посапывала, иногда напевала песни – старые, напоминающие о молодости легкие мотивы, под которые молодые тела кружились в веселых танцах в светлых залах. Люди проходили мимо. На передней стенке коробки жирным черным маркером написали: «Щенки по центу».

Лило, так прозвали щенка, непоседу-брата, постоянно выныривал из теплого комка своей семьи, разительно тьякал и высовывал розовый язык. Когда кто-то подходил, чаще всего это были дети или очень грустные одинокие люди, он начинал вилять хвостиком и по-дружески сверкать глазками. Но щенков никто не брал. Тяжелые времена – не та пора, когда в семью принимают еще один рот, пусть даже если этот рот – пасть. Робби – самая красивая сестричка маленькой семьи. Она любила высовываться из коробки вместе с братом и один раз чуть не убежала за хорошенькой девочкой в яркой шапке с помпоном. Их забрали первыми чуть позже. Когда стрелки циферблата перевалили за семь часов вечера, и все вышли на усталых ногах из офисов, направляясь по холоду домой, где их могли ждать пустые стены и темные силуэты мебели или залитая светом гостиная и стойкий аромат скромного ужина.

Безликая толпа. Люди сменяли друг друга, проходя мимо. У всех хватало своих забот, и на бедных щенков им было плевать. Женщина безразлично сидела на стареньком походном стульчике, который уже трещал от мороза. Снег валил с неба громадными хлопьями. Джош полюбил эти падающие звезды с первого мгновения. Он разевал пасть и ловил снежинки, радостно тьякая, ощущая сладкую прохладу. Он еще не понимал, что обречен, и мог радоваться простым вещам. Щенки в углу коробки жалобно скулили. К девяти часам их осталось пятеро.

Когда пробило половину одиннадцатого, женщина проснулась, встрепенулась и живенько поднялась, сложила стул и заглянула в коробку. Пятеро комочков счастья замерзали и трескались. Один Джош еще высовывал темную мордочку и ловил снежинки. Он был самым обычным щенком, ничем не отличающимся от прочих, и прекрасно это понимал – от того и мог радоваться. Женщина взяла коробку одной рукой, другой прижала к телу стул и пошла по плотным дорогам в сторону холодной квартирки.

В тепле щенки немного оживились. Они изголодались и устали. Женщина насыпала в пять блюдец корм, еще в пять налила молока, поставила все на прохудившийся пол в кухоньке и ушла в коридор снимать с себя тяжелые одежды. Тихая лампочка покачивалась на потолке и рассеивала свет на узкие стены. За окном растелилась темень. Рамы дрожали от завывания ветров. Щенки кинулись к мискам. Они ели не так давно, но уже проголодались. Погода сильно изматывала. Пару месяцев от роду, а жизнь уже не жаловала.

Ей было не больше шестидесяти. Старая дряхлая кожа, древняя тяжёлая одежда. Остались только блики счастливых деньков, отражающиеся в глазах. Она жила же механически, особо ничего не чувствуя. Одиночество, разруха съедали её бедную старую душу... Осталась надежда. Пыльная, дряхлая надежда, хранившаяся на дальней полке в шкафу, куда уже давным-давно никто не заглядывал И какое-то светлое чувство, занимающее не больше точки в сердце. Кажется, раньше это звали состраданием.

По кухне разнесся свист вскипевшего чайника. Повернувшись, женщина отключила плиту и, не вставая, налила себе чай. Щенок лежал у нее на коленях. Горячая чашка стукнулась

о стол, от нее поднимался пар. Щенок положил мордочку на стол, смотря глазками по сторонам. Женщина обхватила тонкой ладонью чашку и грустно посмотрела перед собой на выцветшие обои. Рамы задрожали от ветра сильнее, будто собирались что-то сказать. Часы стучали, едва шевеля стрелками. Щенки заканчивали ужинать и ложились где-то поблизости на пол. Один попытался запрыгнуть на узкий подоконник с одиноким цветком в горшке, но у него ничего не вышло, и он от обиды заскулил, опустив уши. Горячий чай обжигал губы.

Женщина поставила на стол пустую чашку и посмотрела на доньшко. Щенок спрыгнул с ее колен и присоединился к своим братьям и сестрам. Женщина вскоре поднялась, вымыла чашку, вытерла ее вафельным полотенцем и поставила аккуратно на полку. Она поправила волосы и похлопала себя по щекам. Глаза были слегка подведены карандашом, ресницы накрашены, но это делалось из привычки. Без желания, без чувства. Женщина еще раз посмотрела на часы. Доходила полночь.

– Ничего, завтра вас обязательно кто-нибудь возьмет, – сказала женщина напоследок и погасила свет.

Она ушла в комнатку напротив, в свою спальню. Тоже узкая и не особо просторная, но хорошая, если посмотреть с нужного угла. Входили кровать и шкаф, даже радио на маленьком столике, стульчик, красивый ночник, портрет погибшего мужа. В одной спальне – целая жизнь. Рядом с ночником лежал томик Байрона и футляр для очков. Женщина вдохнула полной грудью. На короткий миг в дом вернулась жизнь. Пахло духами молодости. Она улыбнулась, словно вновь оказалась в зале для танцев. Сняла очки и положила руку на подвеску, висящую на тоненькой цепочке. Подарок мужа. Последний. Женщина ностальгирующе вздохнула, прикрыв веки, а потом, как утренняя пташка, встрепенулась. Она сняла с себя одежду, накинула тонкую ночную рубаху и пошла в ванную – тоже небольшую.

Свет заливал собой все. Возможно, его становилось больше за счет обилия белого, но казалось, что он мог выжечь глаза. Женщина встала перед зеркалом, посмотрела на себя с одной стороны, с другой, наклонила голову влево и вправо, вгляделась в морщинки и дряблую кожу, заглянула в глаза. Нет, все та же она, что и двадцать лет назад, что и тридцать лет назад, да хоть все пятьдесят! Ложь, что говорят про возраст. Женщина начала умываться, смыла косметику, почистила зубы и еще раз посмотрела на себя: да нет, точно она. Выключив воду, она взяла полотенце и промокнула им лицо, потом вытерла руки. Вышла из ванны и направилась в кровать. Сегодня она слишком устала, чтобы читать, поэтому убрала уже снятые очки в футляр, откинула покрывала с одеялами и нырнула под них. Ее сразу же обняло тепло, спрятал уют, и на душе стало хорошо. Женщина засыпала с улыбкой на лице.

На кухне было не спокойно. То там, то тут раздавались какие-то шорохи, бряки, стуки, сопения. Место для спячки устроили в свободном углу комнаты. Там уложили картон самым первым слоем, затем сложенные тряпки ткани, подушку, после – свернутые куски порванных старых одеял. Было очень тепло и мягко. Иногда щенки забивались в щели между слоев и спали там. Они ютились друг с другом, прижимаясь к оббитым стенкам их домика. С подоконника падал лунный свет. Он бросал страшные тени прямо на ночлег.

– Почему нас не взяли? – спросила грустная Фиона, приподняв голову с лап.

– Нас обязательно заберут, – заверил ее братец Патрик.

– Потому что так говорит мама? – она захлопала грустными глазами.

– Именно поэтому, – Патрик взглянул на нее, наклонив мордочку набок. – Доброй ночи, сестричка, – он отвернулся, сложившись клубочком.

Их настоящая мать, босерон, умерла почти сразу после родов на холоде, а добрая женщина случайным образом в нужное время вышла из дома в магазин и обнаружила семерых детишек. Ее сердце тогда разбилось. Она бережно собирала щенков, будто осколки ясного света, как своих собственных детей. Приютила их у себя, обогрела, ухаживала, помогла окрепнуть. Они были ей нужны, она полюбила их всех. После первой недели женщина решила дать

им имена и сначала все время путала, но после неведомым чудом запомнила. В целом, щенки лишь внешне походили друг на друга, а вот по характеру – все разные. Женщина каждый раз тепло улыбалась, видя их забавы и игры. Она даже думала оставить одного себе, но кого именно выбрать не могла, и решила, что если уж кто-то станет последним, то его-то она и оставит себе. Выходя из дома с подготовленной коробкой, женщина боялась, что всех разберут в одночасье, все-таки щенки были породистыми и хорошими. Должно быть, собака потерялась или осталась одна после недавнего сильного пожара, когда от целых двух домов ничего не осталось. Однако щенят не брали. Боялись или не хотели – не ясно. Женщина и радовалась, и горевала одновременно.

– А где Лило? – насупившись, спросил Джош.

– Его забрали, – ответила Ханна. – И Робби тоже. Ты что, забыл?

Девочка села и наклонила голову набок. Джош стоял перед ней. Они вдвоем только еще не спали. Патрик, Фиона и Тесса уже сладко сопели, свернувшись и прижавшись друг к другу.

– Нет, я ловил звезды, – озадачился Джош. Он застучал коготками о пол, поворачиваясь к окну, и поднял голову, смотря на огромную ясную луну. Метель стихла. – Ты пробовала звезды?

Ханна вздохнула, поднялась и подошла к брату, садясь рядом и смотря в ту же сторону, что и он. Их мордочки подставились лунной дорожке. Они, будто благословленные, заворуженно смотрели на темное-темное небо.

– Джош, это были не звезды.

– А что же тогда? Мама говорила, на небе – звезды, а если они падают с неба, значит, это падающие звезды. Ты уже такая большая, а еще такая глупая!

– Джош, это ты глупый. Это был снег. Я слышала, человек из той коробки с антенной так сказал: ожидается сильный снег и северный ветер.

Джош задумался. Они немного помолчали, смотря на небо.

– Ханна? – позвал шепотом Джош. – А почему мама нас не понимает?

– Не знаю. – она погрустнела. – Но она нас чувствует.

Они снова немного помолчали.

– А нас всех обязательно должны забрать?

– Да, – Ханна печально кивнула. – Но там нам будет хорошо.

– Где «там»?

– Не знаю. Мама всегда так говорит. У нас будет новая семья.

– Я люблю вас. Я не хочу новую семью.

– Я тоже.

Еще немного посидев и подумав о своем, Ханна и Джош пошли к остальным. Они заняли свободное место, свернулись, устроились поудобней и прикрыли глаза. Ханна еще долго не могла уснуть. Она обреченно вздыхала, кладя голову то на лапы, то рядом, и смотрела на своих братьев и сестер. Ей становилось ужасно грустно, что не хватало еще двоих. Она безумно скучала по Робби и Лило, хотя, бывало, частенько ругалась на них, что они вели себя слишком шумно и неподобающе. Семья и есть семья. Одни хороши в одном, другие – в другом, а вместе они дополняют друг друга и образуют идеальный очаг. Ханна спрятала голову под лапками, сжалась и уснула.

На утро все повторилось. Женщина встала без будильника ровно в восемь часов утра, заправила кровать, умылась, оделась и вернулась в кухню, где уже проснувшиеся щенята нетерпеливо ждали завтрака. Они виляли хвостиками, наострив ушами, и встретили маму радостным лаем. Женщина положила им еды, налила молока и поставила чайник. Себе она разогрела вчерашнюю кашу. Потом заварила чай и включила радио – старенькое, оставшееся ей еще с детства, это был подарок на шестнадцатилетие от бабушки и дедушки с отцовской стороны.

Кухня загремела звуками завтрака и бодрым голосом ведущего на радиоволне, который иногда прерывался музыкой.

Как обычно в час дня женщина взяла с собой коробку щенят, походный стульчик и, тепло одевшись, пошла к условленному месту у магазинчика неподалеку. Люди ходили непрерывно, будто одни и те же, словно работа у них была такая. Женщина расставила стульчик, рядом – коробку, и села, вновь погружаясь в обманчивый сон. Щенята поначалу резвились и громко тявкали, виляя хвостиками, высовывая мордочки на каждого прохожего. Они смеялись, залезали друг на друга. Ветер дул не сильный, падающих звезд почти не было. Время шло незаметно, за каждым человеком – минута, а сосчитать их всех...

К шести часам вечера забрали Ханну. Милый и вежливый мальчик лет девяти, бегущий с портфелем резко остановился у магазина и пару секунду глядел в коробку, где ютились щенята. Он решил, рядом сидящая женщина спала, поэтому наклонился и прочитал надпись на коробке: «Щенки по центу». Мальчик порылся в карманах, залез в портфель, но все-таки нашел пару центов и подержал их в руке, не зная, куда девать. Скорее всего, надпись на коробке была условной, но парнишка не мог просто уйти. Он посмотрел на щенков еще раз. Мальчик улыбнулся. Ему приглянулся щенок арлекинской окраски. Когда мальчик достал его за шкурку, а потом бережно посадил себе на руку, прижимая к туловищу, он понял, что это была девочка, и улыбнулся еще шире.

– Я назову тебя Розы.

Мальчик расстегнул толстую курточку и засунул Розы в тепло, укутывая вязанным шарфом. Мама наверняка будет его ругать за подобную выходку, но... хотелось иметь верного друга, который не стащит обед и не расскажет учительнице, как ты списывал, потому что не усел подготовиться к тесту из-за подработки на старом складе захудалого магазина. Отец взбесится. «Лишь бы не выкинул», – взмолился мальчик. Женщина так и не проснулась. Мальчик кинул последние монетки на обед в коробку и побежал домой. Розы лизнула ему руку и незаметно выглянула, смотря на место у магазина, где оставалась ее семья. «Может быть, мы еще когда-нибудь увидимся», – подумала она. После устроилась удобней, прячась в тепле. «Там мне будет хорошо», – сказала Розы себе и лизнула мальчика в щеку еще раз, а тот смущенно засмеялся.

Больше тем днем никого не взяли. Как по часам ровно в половину одиннадцатого женщина проснулась, поднялась, собрала стульчик, взяла коробку в свободную руку и пошла домой. Звенели монетки. Женщина посмеялась про себя. Все-таки честные люди еще не вывелись. Она заглянула в коробку и грустно вздохнула. Оставалось еще четверо. Может, кто-нибудь из них останется с ней. Хотя что это за жизнь – ходить подле старухи. Собакам нужна семья, большая и теплая, которая выбирается в походы, летом выезжает загород, зимой – ездит к родственникам, к которой приходят гости, и где вкусно и сытно кормят. А женщина на белом свете осталась совсем одна, в купе только с воспоминаниями и болезнями.

Ужин был такой же, как и в прошлый вечер, как и всегда. Убрали еще одну миску. Пока кипел чайник, а щенки кушали, женщина снимала с себя слои одежды, и вскоре вновь оказалась тоненькой спортивной стрункой. Попив чай в компании все еще веселых щенков, женщина помыла посуду, заглянула в холодильник и вздохнула. Часы мерно стучали за спиной. Женщина выглянула в окно. На улице темнота, да и только. Женщина включила радио и присела, слушая музыку. Щенки остались с ней. Фиона забралась к маме на колени и положила голову между лап. Джош лег рядом у ног. Патрик и Тесса далеко не уходили. Они сидели спокойно и мирно, слушая тоскливую мелодию в слабом кухонном свете, куда молочной рекой заливалась луна.

На следующий день к вечеру забрали Фиону. Девушка, должно быть, только-только закончившая учебу в колледже. Возможно, она работала библиотекарем в школе или, быть может, секретарем. Вид у нее был замученный, сердитый, на носу сидели очки в черной легкой

оправе, а длинные каштановые волосы собирались в пучок на затылке. Она шла без шапки, хотя было не жарко, зато в теплом протёртом пальто и высоких сапогах. Девушка остановилась у магазина, потому что с сосредоточенным видом искала что-то в сумочке и терпела поражение, тихо ругаясь, чтоб никто не расслышал. Фиона высунула мордочку из коробки и задорно твякнула. Девушка вздрогнула и сначала не поняла, что это был за звук и откуда. Фиона твякнула снова. Она интенсивно виляла хвостиком. Девушка уставилась на щенка. Женщина, укутанная с ног до головы, сидела с закрытыми глазами и словно бы спала. «Щенки по центру» – прочитала девушка, взглянув на фасад коробки. Она выпрямилась и немного подумала, забывая о будничных проблемах. О сварливом начальнике, который нет-нет, да начнёт приставать, потом заставлять пахать сверхурочные и не платить за них, о гнилом коллективе, о жалкой съемной комнатке, о тусклых днях. Фиона твякнула еще раз. Девушка чуть улыбнулась и взяла щенка на руки. Достала из кармана монетку и кинула ее в коробку.

– Как же мне тебя назвать? – тихо спросила девушка, стоя на месте. – Будешь маленькой Эмми?

Фиона твякнула, виляя хвостиком. Девушка ей улыбнулась.

– Меня зовут Джун. Приятно познакомиться, милая.

Она прижала щенка к себе, делясь теплом, и пошла домой.

К восьми часам из магазина вышел парень. Он накинул куртку поверх рабочей формы. Служебный вход завалило снегом, а расчищать никто не хотел. Он быстро, но не спеша выкурил дешевую сигарету, а потом, сунув руки в карманы, подошел к коробке щенят. Они славно ежились, сворачивались и улыбались, виляя хвостиками. Такие добрые и счастливые. Женщина приоткрыла один глаз, едва разглядела паренька через запотевшие очки. Он ярко улыбался и дрожал. Коротко стриженные черные волосы промокли от снега.

– Столько дней уже сидите, – сказал он, – а успехов как кот наплакал.

– Пускай себе кот плачет, – женщина хмыкнула. – Я их не особо жалую. Злые они и эгоисты к тому же.

– Зря вы так, – улыбнулся парень. – Есть очень даже хорошие и воспитанные коты. Это как с людьми: всех по одному судить не стоит.

На это женщина ничего не ответила, только снова сделала вид, что спит. Может, она на самом деле спала. Но парень все не уходил, а щенки не переставали развиваться.

– Породистые, – протянул он. – Не жалко?

– Людям в радость, – женщина пожала плечами.

– Да какая уж радость. В будни-то! – усмехнулся парень. Переступил с ноги на ногу, помялся. – Не замерзли еще? Сегодня особенно морозно, – парень снова начал дрожать.

– Жива еще.

– Может, чаю? Сегодня еще холоднее, чем вчера, – парень обнял себя за плечи, переступил с ноги на ногу и глянул на черно-серое из-за снега небо.

– Не стоит, – скромно отозвалась женщина.

Парень вздохнул.

– Ну, удачи вам.

Парень ушел обратно в магазин, снял в служебном помещении куртку и вернулся на рабочее место. Он быстро отогрелся, стоя за кассой и растирая ладони. Посетителей было немного. В такую погоду хотелось только сидеть дома. Парень тихонько подготавливал себя к тому, что придется ещё расчищать дорогу к магазину.

В этот день женщина вернулась домой уже с тремя и убрала еще одну миску, тихо вздыхая. Она снова включила лампу на кухне, насыпала ужин щенятам и заварила себе все тот же чай с тремя ложечками сахара. На радио играла старая музыка, и женщина смотрела вдаль за окно, вспоминая былые времена, положив руку на тонкую цепочку. Когда ее муж был еще жив, они часто с ним танцевали. Всегда... Ходили на танцы даже после свадьбы. Танцевали,

пока могли. Хотя бы дома, просто так, для себя. Тихонько кружились под песни молодости и чувствовали себя детьми. Он протягивал ей руку, приглашая на танец. Она всегда смущалась, соглашаясь. Они поднимались и вставали в центр комнаты, играла музыка. Он клал руку ей на талию, она опускала ладонь на его плечо. Их пальцы переплетались, и лица озарялись улыбками. Тени мелькали на стене в плавных танцах. Иногда они сбивались и тихо смеялись. Любви к танцам им не занимать. Но друг без друга было как-то не так. Раньше, в самом деле, света в днях было больше. Женщина посидела с щенками на кухне, потом пожелала им доброй ночи и ушла в кровать. В тот день она снова сильно устала и снова не стала читать.

– Завтра заберут еще кого-нибудь, – сказал Патрик, запрыгивая на подстилку в уголке.

Тесса вылакала молоко. Джош смотрел за окно на падающие звезды.

– Мама нас не любит?

– Что ты такое говоришь! – возмутилась Тесса, сев в строгую позу. – Она всех нас любит.

Видишь, как заботится? – она кивнула на миски и на их кровать.

– Тогда почему она нас отдаст? – Джош наклонил морду набок.

– Так надо!

– Я очень устал, – заскулил Патрик. – Может, завтра заберут меня?

– Ты хочешь уйти? – Джош посмотрел на него.

Патрик поднял морду с лап.

– Нет! Мне интересно, что там.

– Ничего хорошего! – твякнула Тесса. – Я слышала, так говорил голос из ящика.

– Это радио, – сказал Джош. – Ты совсем как... – «Ханна», он не договорил, кость встала поперек горла. Все проигнорировали его реплику.

– Если ты такой умный, – Тесса прошла мимо него, – тогда ложись спать! – она запрыгнула и упала рядом с Патриком.

Джош лег. Трое щенков быстро уснули под завывание ветра и туманный лунный свет, льющийся через узорное заледеневшее окно. В доме наступила полная тишина. Радио молчало и смотрело на все свысока, оценивая и тихо раздумывая.

Утро подкралось незаметно. Женщина вновь проснулась сама, без будильника. Она откинула одним движением одеяло и спустила ноги с кровати. Немного посидев так, чувствуя утренний холод, женщина поднялась и начала делать зарядку. В это солнечное январское утро ей почему-то сильно захотелось размяться. Она почувствовала себя живой. После женщина умылась холодной водой, зашла в кухню и бодро поприветствовала своих щенков. Те радостно затыкали ей в ответ, тут же проснувшись. Женщина поставила кипеть чайник, достала кружку и дешевый кофе в пакетиках – отвратительный на вкус, но без денег жаловаться не приходилось. Она собрала волосы в удобный пучок и покормила щенков, не забыв налить им молока. После села завтракать сама все той же кашей.

– Ну, сегодня, глядишь, еще кого-нибудь заберут, – сказала она, смотря в стол. Щенки не прекратили трапезу, но как будто бы вздрогнули. – Но это после! Скоро пойдем на прогулку. Хотите гулять?

Патрик оторвался от миски и громко за всех гавкнул в знак одобрения.

– Ну, прекрасно!

Покончив с завтраком, женщина ушла в прихожую снова кутаться в слои одежды. Щенки выбежали за ней, весело твякая и суетясь под ногами. Женщина смеялась искренне и от всей души. Давно она не чувствовала себя любимой и нужной. Ей даже захотелось оставить всех щенков себе, но она только с горечью вздохнула. Женщина присела, надела поводки на каждого и потрепала их по макушкам. Щенки виляли хвостиками. Женщина открыла ключом заедающий замок и вышла на лестничную площадку. Солнечные лучи разливались по стенам, удивительными красками рисуя картину. Щенки выбежали следом. Женщина не сразу закрыла

дверь, потом убрала ключ в большой карман, и они все начали спускаться по лестнице с шатающимися перилами.

В четыре часа и тридцать восемь минут подошел мужчина. Это время запомнилось, потому что он назвал его, говоря со своим коллегой. Они оба были в костюмах, шляпах, пальто и с чемоданчиками. Выглядели солидно и внушительно.

– Хорошая порода, – сказал его друг. – Француз, если не ошибаюсь? Слышал, у Робертса такой же был. У тех, что погорели.

– Босерон, – сказал мужчина, беря щенка за шкирку.

Он рассмотрел его внимательным взглядом. Казалось, его глаза мгновенно читали и переводили в цифры критерии и характеристики. Треугольные ушки, миндалевидные глазки, изящную голову, острые зубки, широкую грудь, крепкий корпус, поджарый живот и недлинный хвостик с мускулистыми конечностями. Окрас ровный черный с рыжими подпалами. Н-да уж, уже щенком Патрик представлял много и подавал большие надежды.

– Красавец, – протянул мужчина. Уголок его губ поднялся. – Что скажешь, Стив?

– Отличный пес, Джон. Думаешь брать?

– Алисе понравится, – Джон посмотрел на щенка снова, тот улыбался с высунутым языком. – Будет играть с ним после школы. А потом из него выйдет отличный охранник.

– Тут я с тобой согласен, – Стив кивнул и посмотрел на наручные часы. – Если хотим успеть на поезд, нам лучше поспешить, Джон.

Мужчина достал из кармана цент и кинул в коробку. Потом подумал немного и кинул несколько долларов – не дело было выдавать за такую собаку один цент. Мужчины ушли. Патрик прижимался к плечу Джона и выглядывал. Мама оставалась недвижимой. Коробка стояла на излюбленном месте. Патрику стало грустно. Он вдруг понял, что ему совсем не интересно, что будет там. Ему хотелось вернуться домой. А так у него с собой навсегда остались лишь воспоминания... Джон сильнее прижал щенка к себе, а вскоре спрятал за пазуху. Шел сильный снег мелкими замерзшими каплями. Ветер пытался сбить с ног. Погода не жаловала.

Тесса попыталась сжаться. Она замерзла. С каждым днем ее семья пустела, и в коробке становилось холоднее. Джош прижался к сестре и опустил уши, поджимая хвост. У них лежали теплые перины, и они недавно ели, попили вкусного молока, но почему-то радоваться совсем не хотелось. Звезды падали, но уже не вызывали яркого восторга. Из магазина играла музыка, а безликая толпа плыла мимо.

– Почему... так... пусто? – тихо спросила Тесса.

– Я не знаю.

– Как это называется? Когда внутри как будто ничего... нет? Мне совсем не хочется выглядывать из коробки, я хочу вернуться домой, чтобы все там были. Мне не хочется веселиться и играть, мне так... я будто устала.

– Думаю, мы растем.

– Растем?

– Становимся взрослыми.

– Мне не нравится становиться взрослыми.

Они продолжили лежать в коробке, прижавшись друг к другу.

К без пятнадцати минут шесть щенки оживились. Они согрелись и поели хлеба, который им вынесли из магазина. Тесса начала вилять хвостиком и даже пару раз тявкнула, а Джош снова задирает голову и пытался поймать звезды – ему хотелось стать тем, у кого есть что-то особенное и невероятное. Люди все ходили и ходили, они не изменялись – серая масса текла по городу под неизмеримый марш времени. Новости с каналов передавались по волнам и зомбировали разум, подчиняя их новым указам и переизданиям законов. Но кто-то еще был свободен от этого. У кого-то имелся золотой билет. Свободный разум, видящий правду,

но не имеющий способности описывать и вещать ее. Особый глаз, очищающий реальность от шлаков правительства и проблем. Мир, где не обращали внимание на мелкие проблемы: политические споры, выборы, повышение налогов, снижение уровня жизни... Мир, свободный от этого.

– Мама! Мама! Смотри, это же Роджер!

– Малыш, не убегай от меня! – обеспокоенно крикнула девушка и побежала вперед, стараясь не упасть. – Ну вот, Роберт, куда ты опять убежал! Сколько же раз тебе повторять! – строго сказала девушка, прижимая сына к себе за плечи.

– Прости, – он всхлипнул. И потом добавил: – Щенки., – вытянул руку в сторону.

Женщина заглянула в коробку.

– Милый, они, должно быть, дорогие. Мы купим щенка позже, пошли.

Мальчик грустно посмотрел на коробку, потом на женщину, которая с легкостью могла превратиться в снежный ком за считанные секунды. Мама взглянула на сына с тоской на сердце. Она не могла ему отказать, но и согласиться было бы ошибкой. Она увидела надежду в глазах сына, настоящее счастье и восторг. Он так радовался! Девушка испугалась, что никогда бы не смогла сделать своего сына таким счастливым, но, если бы она отказала ему в тот миг, разбила бы сердце. Пусть и не стоит идти на поводу у желаний, пусть стоит мыслить рационально, иногда единственный выход – прислушаться к сердцу.

Девушка наклонилась и достала из коробки щенка. Довольно миленький. Все щенки милые, но этот особенно. С интересным окрасом и умной мордочкой.

– Мама, это не Роджер! – мальчик потянулся, чуть не упал и достал из коробки другого щенка. Джош лизнул его в щеку. Мальчик засмеялся.

Девушка опустила Тессу в коробку и задумчиво посмотрела на сына с щенком. Потом она присела, чтобы быть наравне с мальчиком, и взглянула на спящий ком. Стул под женщиной вот-вот должен был сломаться. На коробке значилось: «Щенки по центу». Цент, даже в бедности – не такая уж и высокая цена за счастье любимого и самого дорого человека в жизни. Всего одна монетка. На нее все равно ничего толкового не купишь, а щенок за цент – подарок небес. Девушка тяжело подумала. Она взвешивала все последствия и не выдержала. Взяв сына за руку, она поднялась, кинула в коробку цент из кошелька и повела двоих детей домой, в тепло и к горячему ужину.

А Тесса осталась одна. Она жалась клубком и тихо скулила. Постепенно, очень медленно в ней умирала вера. Тесса иногда возвращалась мыслями о том, как устроились её братья и сёстры, но после ей становилось ещё больнее. Одиночество с женщины перекидывалось на бедного щенка.

День шёл, вечерело, температура падала.

На улице уже почти никого не осталось, но женщина продолжала сидеть. У неё было предчувствие, что надо ещё немного подождать... Тем более, спешить её уже было некуда.

Снег заскрипел под тяжёлыми ногами. Тело уже вдавливалось в землю тяжестью проблем. Сложно было представить, как некто подобный сможет улыбнуться. Грубое измученное лицо, в ещё более худшем состоянии руки, ноги в огромных мозолях и язвах, голова вся в проблемах. Старая одежда, вялый вид, стойкий запах медицинского спирта – то ли от ран, то ли ото рта. Таких личностей всегда останавливали полицейские и часто арестовывали, просто чтоб выгородиться перед начальством. Бедный работяга, пашущий из последних сил, лишь бы не потерять работу.

Он остановился у коробки, потому что что-то забыл. Почесал затылок, но так и не вспомнил. Услышал тусклый скулёж. Заглянул в коробку, удивлённо изогнув брови, и увидел жалкое трясущееся тело. Щенок совсем промёрз. Работяга не понял, как взял бедный комок шерсти и прижал к себе, начиная гладить. А потом пришло откровение.

– Сосед вчера помер. Славный был мужик, да тот ещё пройдоха! Поделом ему! Жена у него – последняя тварь склочная баба. Дочь не лучше! Вечно лезет, лезет... А я... Машина сегодня сломалась – сбил какого-то хулигана. Совсем без всего остался... машина-то от отца ещё досталась, когда тот в восемнадцатом году на войне погиб. Начальство, пропади оно пропадом, давит, сроки поджимает!. Изверги! Твари! Дней шесть уже не ел, но это ещё что!

Рука как-то сама полезла в карман, нашла пару монеток.

– Чёрт с тобой, скотина ты божья! Уговорила! Пойдёшь со мной... Гадить будешь – прибыю! Приучу тебя домой возвращаться: на работу со мной – потом сама, и вечером встречать меня будешь....

И так за тихим ворчанием, неровным потоком слов, работяга плёлся с Тессой, которая уже перестала трястись, сначала до магазина, после – в проклятый дом.

Бабушка осталась одна. Она посидела ещё с десять минут, потом собралась и ушла.

Когда вечером муж вернулся домой, он был жутко недоволен, рассержен и подавлен. Он снял ботинки. Повесил верхнюю одежду сушиться и попытался привести волосы в порядок, но плюнул на это дело и прошел на свет. Его жена стояла у стола и нарезала овощи для супа. Из другой комнаты доносился детский радостный смех. Мужчина не сразу обратил внимание на щенячье тьявканье, а когда заметил это, решил, что так всегда и было. «Разве у нас не всегда был пес? Хороший добрый пес, – сказал он в мыслях. – Кажется, всегда». Мужчина вымыл руки в раковине, закрыл струю воды и вытер ладони о штаны. Жена заметила повисшую над ним угрюмость и насторожилась. У нее с самого утра было плохое предчувствие, и она уже перебрала все самые худшие варианты, но когда муж вернулся домой, а счастливый сын сидел в комнатке, она поняла, что худшего не случилось.

Некоторое время они молчали. Мужчина уперся взглядом в холодильник, девушка быстро нарезала овощи и с чирканьем скидывала их в кастрюлю, стоящую на медленном огне. Легкое платье на ней свободно болталось – в последнее время она похудела. Зато волосы оставались такими же шикарными: густыми, темно-русыми, и от них всегда приятно пахло апельсинами. Ее муж не хотел признаваться, но влюбился в свою жену благодаря ее локонам. Они завлекли его с первого мгновения, поманили за собой и так и не отпускали. А после мужчина разглядел, какая красавица его невеста, и стал самым счастливым.

– Что случилось, дорогой?

– Уволили, – он поставил тяжелый портфель на стол. – Сократили, как еще две трети штаба. Кризис, говорят, нет надобности в рабочих местах – прогресс!

Жена выронила из рук полотенце. Будь там чашка или тарелка, они бы непременно разбились, и их осколки разлетелись бы в стороны, затерялись бы под шкафами гарнитура, под холодильником, табуретом, столом, врезались бы в подоконник и стали бы невидимыми. Они давно знали, что рано или поздно это должно было произойти. Всех сокращали.

– Я продам наш чайный сервиз, – она подняла с пола полотенце и поправила выпавшую прядку.

– Не думай, Мэри, что его кто-то купит в такое время! – он упал за стол, у него заурчал живот.

Мэри присела напротив, нервно перебирая в руках полотенце складкой за складкой. Она покосилась в сторону комнатки, которая изначально служила кладовой, а после стала детской. Бобби игрался с Роджером.

– И что же нам тогда делать, Грэг? – шепотом спросила она.

– Не знаю.

На следующее утро Грэг позавтракал сушеным ломтем старого хлеба, попил воды из-под крана и ушел, тихо закрыв дверь на замок. Мэри не спала почти всю ночь. Она кусала губы и ворочалась. Утром девушка умылась холодной водой, но не почувствовала себя не свежо,

не бодро, не полной сил. Однако Мэри собралась и пошла будить сына. Щенок спал у его кровати. Они подружились. Сынок поделился с новым другом своими игрушками, весь вечер они гоняли мяч. Мэри поцеловала мальчика в висок и погладила по голове. Когда сын проснулся, день начался заново.

Мэри уволили почти сразу, как они сыграли свадьбу, и тогда Грэг сказал: «Я обеспечу нашу семью, теперь тебе не стоит волноваться об этом. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива». И он работал, и действительно обеспечивал, но после его уволили с подработки. Потом с третьей, со второй, с первой, и так они пришли к пороку бедности. Кое-каких сбережений могло хватить еще на месяц и то, если сильно себя урезать. Квартирную плату задрали до небес, продукты стоили дороже золота...

Мэри улыбнулась сыну, давая понять, что все хорошо. На кухне она положила ему в тарелку кашу, покормила веселого щенка и села рядом, повязав на шею ребенку фартучек.

День прошел сложно. Притворяться, будто ничего не рушится всегда трудно. Но Мэри знала, что это ее обязанность. Так она заботилась о сыне. Пока они гуляли вдвоем, она смотрела расклеенные объявления, но все они были старыми, промокшими и рванными – недействительными. Шансы найти новую работу равнялись нулю. Мэри могла сколько угодно говорить себе, что у нее получится, но она знала, что в итоге лишь потратит силы и время впустую. Поэтому она занималась домом и семьей, чтобы никто даже не думал падать духом. У нее была самая ответственная и важная работа – поддержание горящей веры, а за ней могла появиться надежда, и после обязательно настанет лучшее время.

Грэг возвращался каждый день только поздно вечером. Он не ел. На вопросы жены о работе он отмалчивался и предпочитал сам что-нибудь спрашивать. Банальные, но важные слова. Как чувствовал себя сын, откуда у них взялся пес, как провела день Мэри – ничего о деньгах, ничего о работе, ничего о запасах. Будто все было хорошо. Плацебо давало свои плоды, и они оставались живы. Пару раз Грэг приносил немного денег. Мэри не спрашивала, откуда. Она брала их и убирала к небольшой пачке купюр. О новостях тоже не говорили. Там не было ничего хорошего, ничего толком не менялось. Выглянув на улицу можно было с легкостью понять, что творилось в мире. Разрушение и бедность, следующая за ним, атаковали жизни. В некоторых кварталах это чувствовалось особенно сильно. Преступников становилось больше – у людей не оставалось выбора. Все умирали, даже если продолжали дышать.

Прошла неделя. Новой работы не было. Единственное счастье семьи Джонсов – новый пес. Бобби был в восторге. Он игрался с ним и часто звал маму гулять вдвоем. Или отца, если удавалось застать его дома. Грэг пытался работать, но ничего толкового не попадалось под руку. Денег не хватало. Запасы продуктов кончались. Даже дышать становилось как-то трудно, будто за воздух тоже надо было платить. Если бы не счастливый смех и не радостное твяканье в квартире, семья Джонсов давно бы пала духом. Разве можно сохранить веру, когда все вокруг рушится? А рушилось пока еще не все. Точнее, все, кроме одного – их будущего. Да, казалось, шанса на счастье и нет, но, смотря на двух детей в доме, Грэг и Мэри знали: сдаваться нельзя.

Вся страна – да что там страна: весь мир! – терпела кризис. Рабочие места сокращались, зарплаты падали и задерживались, люди выходили на демонстрации, квартиры и дома отнимались за долги, тысячи и миллионы умирали от голода и холода... Планета терпела кризис! Такими темпами ничего хорошего не могло случиться. Недовольство росло, паника завладевала разумами, и вспыхивали бунты. С каждым днем их становилось все больше: в разное время, в разных местах нападения на разные точки в городах. Стоял ли кто-то определенный за этим или нет – не известно, но получался один истинно верный ответ: правительство уничтожало себя само. Недолго оставалось до конца света, полного краха экономики и человечества как такового. Каждый это понимал, и страх не мог не разъесть сердце. *А если все-таки нет? Если мы выживем?* Люди сходили с ума. Воровали продукты долгого срока годности, открывали подвалы и спускались в давно забытые бомбоубежища. Мир сходил с ума.

И все бы привело к неизбежному концу. Если бы не крайние меры.

Одним вечером, когда Мэри накладывала ужин сыну и Роджеру – они с мужем не ели, терпели, начались новости. По всем каналам, на каждой радиоволне, отовсюду вещалось одно. Прервали все программы, остановили музыку, и из каждого уголка планеты слышалась одна речь:

– Мы прерываем все программы для объявления важного сообщения. Правительство ряда стран одобрило экспериментальный скачок развития человечества. На территории штата Джорджия, Соединенные Штаты Америки на побережье Атлантического океана через две недели откроется секретный город, куда завезут добровольцев. В Швеции была разработана система «Измерения Мыслительных Алгоритмов», которая позволит людям и зверям общаться на равных. Подробная информация засекречена и будет разглашена лишь тем, кого утвердят на должность добровольца. Предубеждаем всех, что риск неудачи эксперимента велик. Новые технологии не обеспечивают стопроцентный успех. Будьте рассудительны при принятии решения. Для подачи заявок приходите в Локальные Точки, которые начинают свою работу со следующего часа. В новом городе вы получите рабочие места с достойными условиями и стабильной заработной платой, квартиры, дошкольное, школьное и университетское образование, стажировки, а также медицинскую страховку. Оставайтесь бдительны. Доброго вечера, дорогие граждане.

По радио соседней снова заиграла музыка. Стены были тонкими, так что Мэри расслышала каждое слово. У нее загорелись глаза. *Вот оно*, подумала она. Хлопнула входная дверь и закрипели половицы. Мэри выглянула из кухни: сынок вместе с Роджером лежали в кровати, кажется, о чем-то тихо говорили, ждали ужина. Девушка нервно перебирала в руках полотенце и вышла в прихожую. Грэг повесил на крючок шарф и встретился взглядом с женой. Они без слов поговорили, не отводя глаз. Ее сердце трепетало. В подъезде громко хлопнула дверь, словно приводя их обоих в чувства. Мэри сделала глубокий вдох.

– Одевайся, – сказала она.

Грэг начал одеваться. Мэри исчезла из прихожей. Когда он надел ботинки и потянулся за курткой, она вновь возникла, на этот раз с документами в руках. Грэг молча взял их. Они пару секунд смотрели друг другу в глаза, потом он вышел, а Мэри убежала одеваться. Холод на улице постепенно спадал, но заморозки еще не миновали. Ужин так и остался ждать на кухне.

– Как думаешь, что происходит? – спросил мальчик, двигая машинку взад-вперед, сев на кровати.

Он тяжело вздохнул, когда Роджер в ответ ему только повел ушами.

– Папа ушел, мама грустит, – озадачился мальчик. – Что-то тут не так, – он насупилсь и остановил машинку. Поднял большие глаза на песика, сидящего перед ним.

Но ответа так и не было. Тогда мальчик вздохнул.

– Сынок?

Он повернул голову и увидел на пороге комнатки маму. Она была одета. Мама вошла в комнату, открыла старенький комод и достала оттуда зимнюю одежду. Бобби спрыгнул с кровати. Он не начал хныкать или задавать вопросов. В какой-то мере он понимал: надо немного подождать, и он все поймет сам. Мама начала его одевать. Роджер лег на край маленькой кровати, опустил мордочку между лапок, бегал глазами по ползущим теням. Свет от ночника рассеивался к окну, за которым расстилалась тьма. Завывал ветер. Роджер начал тихо скулить. Уже одетый Бобби погладил пса по голове и позвал за собой. Выключив свет, они вышли в прихожую. Мэри обулась, потом помогла сыну и повязала поводок на подросткового щенка. Они втроем вышли из квартиры, щелкнули ключом в замке и начали спускаться по темной лестнице.

У дверей Локальной Точки ближайшей к дому семьи Джонсов уже собралась небольшая толпа. Отчаяние толкало людей на страшные вещи, риск ничего не значил в любом случае.

Люди, которым нечего терять, опаснее и страшнее всего. Никто не испугался холода, кто-то прибежал в легкой одежде. Мэри догнала Грэга у входа и вцепилась в его руку. За ней держался Бобби и Роджер на поводке. Их испуганные лица исчезали под масками интереса и волнения. Все считали, здание было заброшенным. Никто не видел, как кто-то в него входил или выходил до этого момента. Оно состояло из двух этажей и больше походило на громадный кирпич с широкими затемненными дверьми. В окнах не горел свет. Десять или чуть больше лет назад его построили и оставили. Никого не подпускали. Никого не выпускали. Возможно, оно подвалами уходило глубоко под землю.

Ровно в девять часов вечера открыли двери, и в поток приятного света хлынули люди. В жуткой толкучке невозможно было упасть: подпирали со всех сторон. В огромном зале, как на станциях поездов, висели большие часы, рядами стояли скамьи, напротив главных дверей – окна приема. После короткого замешательства люди побежали к ним и заняли очереди. По бокам поднимались лестницы, и строгие перила огораживали второй этаж, защищая двери кабинетов. Удивительно, как такое здание удавалось скрывать на протяжении нескольких лет. Может, его просто никто не замечал в том ужасе, что творился по всему миру?

Семья Джонсов села на скамейку. Роджер стоял рядом с Бобби и озирался, водил ушами. Вокруг стало слишком оживленно. Пес почувствовал себя вновь в коробке на той оживленной улице у магазина, когда все возвращались домой с работы или учебы, а он со своей семьей ждал неизбежного. Грэг что-то шепнул Мэри на ухо и исчез в потоке людей, который начал замедляться. На высоких крепких колоннах висели рупоры и приемники, но они молчали. Из них будут делать объявления или включают музыку, когда подача заявлений затянется. Мэри нервничала. Она думала, а если они не успеют? Не хватит свободных мест или что-нибудь еще... Тогда она не знала, что им делать. Возможно, появятся новые рабочие места или, может, правительство окажет поддержку. Ее не особо волновало, что за эксперимент проводился в штате Джорджия, каким образом к этому имели отношение звери, каков риск, потому что в этом мире у них был лишь один исход – смерть в бедности. Она не хотела такого для своей семьи. Мэри обняла Бобби и потрепала загривок Роджера.

Счет времени потерялся. Грэгу показалось, прошел час, как минимум, но, посмотрев на часы, он понял, что простоял лишь десять минут. А очередь будто бы и не уменьшалась. Мужчина выглянул и посмотрел на змеек к другим окнам. Все такие же большие, протянулись на километры. Грэг переступил с ноги на ногу, снял шапку и провел рукой по лицу. Он расстегнул куртку и попытался размять пальцы в ботинках. Когда все же подошла его очередь, еще через пятнадцать минут, ему быстро выдали талон, на котором значился порядковый номер и кабинет. Грэг даже как-то разочаровался: столько времени ради такой мелочи. Он отошел от окна, смотря на небольшую бумажку в руке. С302, №12. Подняв глаза, Грэг увидел заработавшие таблоиды. Они показывали, чья очередь идти, кому следует подготовиться, и указывали на второй этаж. Все кабинеты в ряд располагались там. Под каждой дверью висел таблоид на первом этаже на длинном проводе, прицепленном к колонне, указывающий очередь. Грэг вздохнул и опустился на свободное место, не сводя глаз с двенадцатого экрана с большими зелеными буквами и цифрами из пикселей.

Роджер запрыгнул на скамейку и положил голову на коленку Бобби. Мальчик его погладил. Они будто бы о чем-то поговорили. Мэри нервно бегала глазами в поисках мужа и держала сына за плечи. Она постоянно смотрела на часы и на очереди, иногда и на лестницы. Туда уходило человек по десять, и потом, как заведенные, в одно и то же время спускались. Зал был переполнен. Люди галдели, но ничего связного не говорили. Их волнение брало верх, а заплутавшие голоса отбивались от стенных плит и летали в воздухе. Мэри стянула с сына шапку и расстегнула его куртку и кофту, потом поцеловала в макушку. Бобби снял варежки и сунул их в карман, затем снова погладил Роджера. Пес тихо заснул и поджал хвост.

На двенадцатом таблоиде зеленым огнем загорелось: подготовиться С302. Подошла новая очередь. Грэг с волнением поднялся и направился к лестнице с правой стороны. С ним пошло еще тринадцать человек. Все выглядели напуганными, обескураженными, будто бы сами не верили и знали, что творили. На каменных негнувшихся ногах Грэг поднялся на второй этаже, повернул налево, прошел коридор, затем снова свернул налево и, после того как кабинет освободился, зашел в предпоследнюю дверь с блестящей цифрой «12».

Помещение не оказалось большим и изящным, как зал ожидания. Обычные серые стены, неяркий свет, хотя лампы на потолке не было, узкий одностворчатый шкаф, который мог развалиться в любой момент, вешалка рядом с ним, раскинувшая свои черные ветви по кругу. Дальше стоял стол, тоже уже пошарпанный и хлипкий, рядом – непримечательный стульчик. Гудел компьютер. Лежала папка бумаг, документов, несколько ручек, карандашей и ножницы в подставке. На столе стояла лампа. Дешевая лампа, которая продавалась чуть ли не в каждом магазине этого района. Стоила она доллар двадцать, даже уж слишком мало. Грэг решил пройти вперед. Он мял в руке шапку. Человек за столом ожил. Он рукой указал на черную вешалку. Грэг спохватился, снял куртку, кинул на нее шапку и шарф, остался лишь с талоном в руках. Тогда он сел. Сотрудник в форме – светло-молочная рубашка, белый галстук и маленькая эмблема на левом плече, которую никак не удавалось рассмотреть – ожил не сразу. Он еще что-то делал в гудящем компьютере, но потом приветливо улыбнулся.

– Ваше полное имя.

– Грегори Фрэнк Джонс.

– Вы едите один?

– С женой и ребенком.

– Их имена.

– Мэри Кэролин Джонс. Роберт Сэмюэль Джонс. С нами еще пес. Это не проблема?

Сотрудник вбил информацию и поднял затуманенный взгляд. Слова с запозданием долетели до него, но когда самое интересное было услышано, он просиял:

– Пес! Это замечательно! – он снова что-то напечатал. Сделал пометку. – Позвольте его имя, породу и возраст. Может, привычки или предпочтения.

Грэг растерялся, начал отвечать сам собой:

– Роджер. Кажется, французская овчарка. Или босерон. Простите, мы не сильны в породах. Жена взяла щенка на улице в коробке, женщина их продавала... Ему около трех-четырёх месяцев. Гулять любит, играет много. Простите, это лучше у моей жены спросить, меня почти не бывает дома... Мне позвать ее? Она здесь, я быстро...

Он уже поднялся, но сотрудник, оторвавшись от печатания, остановил его жестом и попросил присесть. Он проглядел заполняющийся документ.

– Этого вполне достаточно, – он как-то криво улыбнулся. – Сколько вам лет?

– Тридцать два года.

– Вашей жене и сыну?

– Жене двадцать семь. Сыну три.

– Работаете?

– Работал.

– Кем работали?

– Бригадиром. На фабрике.

– Ваша жена?

– У нее образование декоратора, работала чуть больше года в театре.

– Сын ходит в детский сад?

– Нет.

– Попрошу ваши документы.

Грэг тут же протянул стопку. Сотрудник разложил их, открыл нужные страницы и сделал несколько снимков, прикрепляемых к заявлению, специальным аппаратом, лежащим по левую руку на столе. После вернул документы Грэгу.

– Подпишите вот это.

Он протянул согласие на участие в эксперименте. Грэг так переживал, что даже не стал читать. Он дрожащей рукой взял предлагаемую ручку, поставил роспись и вернул сотруднику.

– Это останется у меня. На таможенном пункте с вас попросят еще согласие. Тогда уже от вашей жены и вас. Вдруг передумаете или что-то еще произойдет. Всякое бывает.

Грэг кивнул, впитывая информацию.

– Чудесно, – задумчиво протянул сотрудник. Он закончил вбивать информацию и погладил колесико светлой мышки на коврике, наклоняясь ближе к монитору, свет которого рассеивался на свеженьком лице. Сотрудник резко выпрямился и начал говорить будто бы заученную фразу, зато с неподражаемой улыбкой. – Поедете в числе второй партии добровольцев. Это через два дня. Тридцатого января к шести часам утра приходите сюда, в Вашу Локальную Точку. Подробнее об эксперименте вам расскажут на месте.

– А условия, о которых говорили, они...

– Место жительства, рабочие места и обучение. Да. По секрету, – сотрудник чуть наклонился вперед, – вам дадут небольшой стартовый капитал.

Челюсть упала на пол. Грэг поднялся, подошел к вешалке и начал одеваться.

– Не забудьте с собой документы, когда придете сюда тридцатого. Мы внесли вас и вашу семью в нашу базу, надо будет все проверить, сами понимаете.

Грэг кивнул и вышел из кабинета. Он выглядел не лучше остальных. Глаза горели, но все остальное тело словно парализовало. Все выходили в восторге, но им казалось, что все было так хорошо, что даже плохо. Может, какой-то подвох? Может, ничего там и не будет, их просто везут на смерть? Руки снова начали дрожать. Еще один полный день до отъезда. «Сегодня, – решил Грэг, – соберем вещи, а завтра позвоним семье и друзьям, попрощаемся, отдадим долги и...». Он споткнулся о первую ступеньку и чуть не упал. Рядом идущий мужчина оживился, помог удержаться. Грэг забормотал невнятное извинение в купе с оправданием и стыдливо опустил взгляд.

Усталость от холода и голода становилась только сильнее. Хоть в Локальной Точке и было тепло, все равно до ужаса хотелось спать. Уютный свет будто бы к этому и призывал. Людей в очередях к окнам становилось меньше и меньше, большинство сидело на скамейках. Вполне возможно, что некоторые пришли и передумали, но уходить уже не хотели – все же, тепло. А охранники, стоявшие у входа и кое-где по периметру, лениво прохаживались взад-вперед, как заведенные солдатики. Через сорок минут после открытия они уже совсем облепились и перестали по-служебному тянуть ногу. От тяжести одежды начинался зуд. При любой попытке игнорировать это или же удовлетворить становилось лишь хуже. Больше половины зала мучилось от данного недуга. Большие таблоиды меняли цифры, и люди партиями уходили наверх. Все работало как слаженный, давно установленный механизм.

Рука лежала на плечах. Мэри переживала, вдруг сынок потеряется. Бобби лениво уронил голову на мамин бок и обводил глазами огромный зал. Он никогда не был в таких местах, но как-то видел нечто подобное в одном старом фильме про бандитов.

– Мамочка, мы куда-то уезжаем?

– Не сейчас, дорогой, подожди.

Бобби начал болтать ногами. Роджер сел рядом. Бобби держал поводок в руке, хотя был уверен, что его друг никуда не убежит.

Когда Грэг подошел, держа документы в одной руке, в другой – талон, Мэри подняла на него взволнованный взгляд.

– Подтвердили, – выдохнул он и утер пот со лба. Протянул талон жене, не зная, зачем. – Зачислили во вторую партию. – Упал на свободное место рядом. – Придется подождать.

– Сколько?

– Пару дней.

– А когда была первая?

– Не знаю, – он сел рядом. – Слышал, говорят, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом.

– Шесть лет назад? И не было объявления?

– Наверно, так было лучше, – Грэг пожал плечами. – Самое страшное уже позади. Скоро у нас все образуется, – он взял жену за руку.

Мэри вчитывалась в талон, выучила его наизусть, но все никак не могла оторваться. Будто бы эта маленькая почти пустая бумажка была подтверждением их новой жизни, реальности происходящего.

– А что это за эксперимент? Ничего не сказали?

– Сказали, что расскажут уже на месте. Государственная тайна.

Они перевели дыхание. Мысли копошились, никак не укладывались в голове.

– Ладно, пошли. Бобби пора спать.

Грэг поднялся первым и убрал во внутренний карман документы, затем Мэри. Девушка спрятала талон, ей стоило его сохранить. Она потянула за руку сына, тот встал, потирая сонные глазки. Грэг взял на руки Бобби, Мэри перехватила поводок. Они начали пробираться к выходу. Хотя людей было не так уж и много. Большинство, что сначала прибежали первыми, не решились подать заявку и так же быстро испарились, кто-то разбрелся по закоулкам обширного зала, кто-то выбежал покурить, хотя на таком морозе это было даже глупо. Охранники продолжали лениво плавать, создавая видимость работы. Некоторые семьи оживленно и достаточно громко спорили, ругались. Мэри пришлось закрыть Бобби уши и прижать его еще ближе к себе. Грэг сурово окидывал негодующую толпу. Она вся накалилась. Одна спичка – и все бы полетело к чертям. Как динамит с очень коротким фитилем. Надо было поскорее убираться из напряженного места.

Вопреки наспех построенным планам в голове Грэга, все пошло несколько иначе. Вещи начали собирать только на следующий день, после того, как обзвонили всех тетушек и дядюшек, бабушек и дедушек, племянников и племянниц, сестер и братьев, родителей. Теперь, кроме общей неприязни ко всем, их объединяло еще и общее негодование. Мэри не любила общаться с родственниками по телефону. Это всегда затягивалось надолго, особенно если эти родственники уже старенькие, а счет за телефон рос, рос и рос. У Грэга была семья поменьше, многие умерли, поэтому с этой частью он расправился быстро, а после взял свою записку и отправился раздавать долги. Бобби напросился с ним. Мэри долго сомневалась, но все-таки позволила. За ними увязался и Роджер. Они втроем целенаправленно шли по городу от точки к точке. Роджеру нравилось бегать по дорогам, заполненным падающими звездами. Он задирал голову к небу, ловил кристаллики пастью и много тьявкал от радости. Бобби смеялся. Даже Грэг улыбался.

Они вернулись домой только под вечер, очень уставшие. На кухне разогрелся ужин. Мэри приготовила лучшее, что могла из оставшихся продуктов. Она разложила еду по тарелкам, в миску и отправила мужчин мыть руки. У соседней играло радио. Качалась одинокая лампа, рассеивая свет под бледно-персиковым абажуром. Цветы на стенах заиграли новыми красками. Маленькие кружочки обоев начали летать в удивительном танце. Вся семья собралась за столом, Роджер послушно сидел рядом с холодильником, стоявшим тут же, вылизав дочиста миску. Они молчали. Мэри просила Бобби не баловаться.

После ужина Грэг отправил Мэри отдохнуть, а сам принялся мыть посуду. Он с легкой тоской смотрел на мебель, на старые рамы, от которых всегда тянуло холодом, в особенности зимой, на шатающийся стол и стулья вокруг него. Газовая плита, дышащая на ладан. Еле

открывающиеся ящики. Болтающаяся лампочка. Тонкие стены, через которые было прекрасно слышно радио соседей, да и не только. Грэг спросил себя, пока смывал мыло с рук, а будет ли он скучать по этому дому? Немного подумав, он понял, что его дом – его семья, и пока он с ними – скучать будет не по чему. Мэри достала с верхней полки шкафа большой чемодан, с которым они приехали в эту квартиру, и чихнула от пыли. Она сходила в ванную, намочила тряпку. Вытирая чемодан, Мэри вспоминала, как они приехали в квартиру после свадьбы. Она тогда была так счастлива! И Грэг тоже. Они улыбались и смеялись каждый день, а потом столкнулись с реальностью, бедностью, и все покатило в бездну. Наверно, это не лучшие условия для молодой семьи, но пришлось смириться с обстоятельствами. Семья решила, что проблемы – совсем не помеха, чтобы строить свое счастливое будущее сейчас, а не ждать. Грэг пришел с кухни и начал помогать жене собирать вещи. Бобби был в своей комнате, занимался чем-то важным для него.

Джошу хотелось проведать маму и Тессу. Он пока еще их помнил. Вдруг его сестренка осталась дома? Щенок смотрел на окно. Теперь его звали Роджер. Он еще не привык к этому. Ему не особо нравилось имя Роджер, не так сильно, как Джош. Но он не мог ничего поделать. Не мог сказать ни про имя, ни про маму и Тессу, ни про остальных. Роджер часто грустил из-за этого. Он смотрел в окно, особенно поздним вечером, и представлял, будто снова в *той* кухне, где вещал голос из коробки, пахло черным жасминовым чаем и была его семейная кровать. Он представлял, что Тесса, Патрик, Фиона, Ханна, Робби и Лило сидели рядом, и они вместе смотрели на темное небо с падающими звездами.

Теперь у него была другая семья. Мальчик по имени Бобби был смышленным и очень приятным. Он не терзал щенка и любил играть с ним в мяч. Джошу это тоже нравилось. Его вкусно кормили, с ним гуляли, о нем заботились и окружали лаской. Его полюбили и приняли как полноправного члена семьи, не смотря на трудные времена. Джош знал и чувствовал: это прекрасно. И он сам привыкал к новым людям, узнавал их привычки, голоса, манеру говорить, скорость и тяжесть шага. Джош знал, что скоро полюбит их так же сильно и бескорыстно, всем сердцем, как они его, будет считать *их* своей семьей. Пока он смотрел в окно и вспоминал былые вечера, и скучал по старому дому, и по маме, братьям и сестрам, Джонсы всю собирали скудные пожитки в чемоданы, ходили по дому, негромко переговаривались и сильно волновались, хотя и пытались скрыть это, ведь уже утром они поедут в Локальную Точку... Роджер повел ухом, уловив тяжелый стук и детский плач, и ринулся на звук. Ахнувшая Мэри начала тараторить успокаивающие приободряющие фразы упавшему со стульчика у кровати сыну, Грэг притащил аптечку. Взволнованный Роджер бегал рядом, тыкался носом, тихо суля и виляя хвостом.

Луна продолжала светить во мраке ночи и одиночестве города. Ей все было нипочем. Ее белые полосы обнимали стены, скользили по полу, и напевали молочные мотивы давно не сочиненных песен.

Глава 2. Лучший день на свете

Двери славного домика настежь распахнулись с улицы, и в дом вбежал веселый енот в широких желтых шортах и рубашке с пальмами. Он радостно смеялся и не задумывался, что что-то может быть не так. Его мама занималась домом, пока была в декрете, и, разумеется, сильно уставала, но строго отказывалась от помощи.

– У меня скоро День Рождения! – Говард нацепил на голову бумажную корону, которую сделал по дороге из школы, и начал танцевать.

– Сынок, не глупи! Ты уже такой взрослый! – запричитала бабушка.

– Брось, мам, пускай подумается!

Миссис Ноубл проплыла через гостиную с аккуратным фарфоровым чайничком на кухню. Желтенькие занавески раздувались на сквозняке, но все еще было невыносимо жарко. Миссис Ноубл стянула чепчик и пригладила коротенькие волосы. Она поставила чайничек на круглый столик и выглянула в окно: пусто. Жить на окраине – хорошо. В городе, в самом центре, вечная шумиха, неразбериха и спешка. На окраине же всегда свежий воздух, прохлада леса и умиротворение. Таможенный пост располагался далеко, за несколько километров, так что вид военных не тревожил. Джанховет еще не открыли, хотя всюю вели переговоры. Миссис Ноубл никак не относилась к политическим вопросам. Она принимала то, что оглашали, исходила из фактов и бед не знала! Примут – замечательно, столько нового увидит мир, жители Джанховета вспомнят былое. Не откроют – мирная жизнь без изменений. В сердце каждый понимал, что у Джанховета два исхода: либо принятие миром, либо уничтожение. Но никому не хотелось думать о подобном в столь удивительном месте.

Рама окна опустилась, занавески всколыхнулись. Со второго этажа доносилась музыка. Где Говард ее достал – неизвестно. Никому из семьи Ноубл она не нравилась. Слишком прогрессивная, резкая и, отчасти, экстремистская. Однако Говарду нравилось. Пока он оставался прилежным, не нарушал закон и не делал прочих глупостей, семья мирилась с его странными предпочтениями. В остальном же Говард был идеальным сыном. Миссис Ноубл начала проверять шкафчики: наступила пора готовить ужин. Муж должен был скоро вернуться из магазина. Теряясь в догадках и вариантах, миссис Ноубл обреченно вздохнула и облокотилась о раковину.

– Что такое, доченька?

– Сегодня ужин готовит Ричард!

Миссис Ноубл сняла фартук и откинула его в сторону. За неделю она жутко устала, а тут еще и пришлось думать насчет приближающегося дня рождения сына. Миссис Ноубл прошла в гостиную и упала в кресло, раскидывая лапы в разные стороны. Голова откинулась назад, веки прикрылись. Если бы еще не боли, вспыхивающие то там, то тут из-за беременности, все было бы не так плохо.

– Ты покормила Хоуп? Она говорила, что проголодалась пару часов назад. Надо будет с ней погулять.

– Мам, – протянула миссис Ноубл. – Ты приехала, чтобы помочь нам, пока я беременна, разве нет? Погуляй с Хоуп или попроси Говарда, поиграйте с ней. Каждому питомцу надо уделять время.

Цветы покачивались на прилежных клумбах перед домом. Приятное солнце ласкало яркие лепестки, листочки дрожали. Зеленая постриженная трава сладко спала и пробуждалась, медленно потягиваясь. Начинаяющаяся лесная полоса разрезала небо на чудные треугольники, ломая солнечные лучи. Облака медленно плыли по небу. Будто бы весь мир еще спал. В такую жару ничего больше не хотелось. Шелест природы разносился до центра города и терялся

в музыке голосов. С океана тянуло соленой прохладой, а за ним – что-то невиданное, такое далекое, словно и не существующее. Весь мир ограничивался одним городом.

Говард продолжил с нетерпением веселиться в комнате на втором этаже, слушая музыку. Бумажная корона свалилась на бок, хвост энергично поспевал за мелодией. Он напевал себе под нос песню и пытался собрать мысли, чтобы придумать, чего же он хочет. Может, новую гитару? Или летнюю поездку с друзьями куда-нибудь загород? Отличную камеру? Идей было много. Говард сел за стол, достал из ящика блокнот и начал записывать все варианты в столбик. «Потом выберу», – сказал он себе, кивая головой в такт музыки.

Вечером, когда Ричард вернулся, он оставил на вешалке шляпу и пошел в кухню готовить ужин. Бабушка как раз собиралась на прогулку с Хоуп, хомячком. В прихожей горел свет. Город готовился ко сну. Солнце спускалось все ниже, а веселые прохожие держали курс на дом. Городские часы на главной площади показывали десятый час. После легкого ужина небольшая прогулка – самое то. Бабушка повязывала простой мягкий шарф, пока Хоуп нетерпеливо ходила от входной двери, в которой для нее сделали специальную, поменьше, до гостиной. Светильник вновь начал мигать. Бабушка постучала по нему коготком, нахмурилась и попыталась вспомнить, сколько уже времени в прихожей неполадки с проводкой.

– Ричард! – позвала она. – Сделай уже что-нибудь со светом!

– Обязательно! – ответил Ричард, кружась по кухне в фартуке.

– Только будьте аккуратны, – обеспокоенно говорила миссис Ноубл.

– Милая, не волнуйся! – крикнул мистер Ноубл, заглядывая в кастрюлю, из которой повалил пар. Его очки в миг запотели, и он тут же опустил крышку обратно, отворачиваясь. – Еще не так поздно!

– Говард! – позвала миссис Ноубл, положив руку на сердце, будто ей резко стало очень-очень плохо. Она оперлась о стену и прикрыла глаза. – Говард, иди сюда!

Через двадцать секунд в проходе показался Говард. Он без удивления наблюдал за картиной, повторяющейся каждый день.

– Что, мам? – спросил Говард.

– Сходи с бабушкой и Хоуп погулять. Тебе тоже полезно.

– Милая, ты волнуешься слишком сильно!

– Это все потому что осталось меньше трех недель до родов.

– На следующей ляжем в больницу.

Этот диалог повторялся каждый вечер, словно по расписанию. Говард подождал еще немного, стоя на середине лестницы, а потом, когда взрослые урегулировали конфликт, все-таки поднялся к себе в комнату и лег на кровать дальше слушать музыку. Бабушка и Хоуп вышли на улицу и отправились по старому проторенному пути. Миссис Ноубл вернулась в гостиную, где проводила полдня, лежа в кресле или на диване. Ричард стоял на кухне, готовя обед на завтрашний день. Он вспоминал отчеты по работе и мысленно считал, чтобы экономить время. Они все, казалось, забыли о радости, погрузившись в рутину, угодивши в ловушку серого дня.

И даже с утра, когда уходила ночь, и солнце поднималось снова, ничего в корне не менялось. Бабушка, всегда просыпающаяся раньше всех, готовила завтрак. Ричард собирался на работу, тратя минут по семь, пытаясь застегнуть наручные часы. Говард никогда не просыпался вовремя. Хорошо, что он взял за привычку собираться вечером. Поэтому он всегда быстро вскакивал, летел в ванную, одевался и завтракал уже на ходу, доезжая с отцом до центра, а дальше бежал до корпуса средней школы. Миссис Ноубл спала очень плохо и полночи переворачивалась с бока на бок, поэтому вылезала из кровати только около одиннадцати. После ее окатывал прилив бодрости и энтузиазма: она неслась прибираться, гладить, разбирать старые вещи, но через несколько часов снова падала на диван, раскинув лапы в сторону. Семья енотов с хомячком в любимых питомцах жила хорошо, пускай и однообразно.

Уроки тянулись nepозволительно долго и скучно. Учителя вели лекции, а ученики всюду смотрели за окнами кабинетов, где приветливые краски вызвали улыбки у целого мира. Из-за растущей температуры воздуха к обеду в стенах школы стало невозможно находиться. Все устало волочились по коридорам, переходя из кабинета в кабинет, натягивали вежливые улыбки и с облегчением выдохнули только тогда, когда включили кондиционеры. В столовой разобрали все холодные напитки, а кто-то сбегал до ближайших магазинчиков и купил своим одноклассникам мороженого. Впрочем, на улице ситуация обстоит лучше. Ветер с океана помог освежиться, уличные музыканты умело отвлекали внимание от назойливого солнца. В конце концов, ничего страшного не происходило – одно и то же каждый май – один из самых жарких месяцев года. Впрочем, летом могли не обращать внимания на жару из-за адаптации организма. В любом случае, все были довольны.

Обычно, на перемене Роджер готовился к следующему уроку, но всегда случаются исключения. В этот раз к нему подошла Глоис и очаровательно улыбнулась, не позволяя просто уйти от нее. Они никогда особо не общались, хотя были в одном классе. Пару раз сталкивались, а года два назад даже делали лабораторную работу по биологии, но на этом все. К слову, они были из одной компании. Иногда встречались все вместе и гуляли или что-то в этом роде. В общем, официально Глоис и Роджер были друзьями. Неофициально – едва ли товарищами.

– Привет!

– Привет, – Роджер пытался звучать как можно приветливее, но сомневался, что у него вышло.

– Мы решили подготовить сюрприз для Говарда. Ты с нами?

– Конечно! – Роджер облегченно выдохнул. Он боялся предположить, к чему приведет эта встреча, а причина оказалась такой пустяковой! – И что это будет? Вечеринка, торт и что-то в этом духе? – Роджер поправил рюкзак на плече и не спеша пошел до класса. Опаздывать все-таки не хотелось.

– Тиффани и я поговорили с его родителями, у нас есть парочка идей. – Глоис пошла рядом, немного выступая вперед, чтобы ее точно было слышно. – Мы сегодня все собираемся в «У Глории» в четыре. Ты придешь?

– Да, обязательно, – Роджер кивнул и повторил про себя.

Попрощавшись, Глоис убежала в другом направлении. Роджер дошел до класса и упал за парту как раз со звонком. Он записал в блокнот назначенную встречу. Хотя он никогда и ничего не забывал – всегда записывал.

Не выдерживая духоты в погрузочном помещении, Грэг вышел на улицу вместе с сослуживцами. У океана, на побережье, температура была ниже. На том берегу жил другой, холодный мир. Они встали под навесом подальше от главного входа. Несколько минут молчали, ожидая, пока исчезнет пот. Облака испарились с неба, открывая путь лучам. Вскоре многие ушли. Сначала Джордж, конь, после него Шон, дальше – Чаки и Джесси, два брата, бегемоты. Получилось так, что под навесом остались только Грэг и Винсент, сокол. Отношения у них были не худшими, товарищескими, достойными рабочей атмосферы.

Они немного друг о друге знали. У обоих семьи, неплохие должности. У одного – жена завидная, у другого – строгая. Два сына-молодца и никого. Прекрасный домик в спальном районе и большая квартира в центре города. Ничем примечательным они не обладали. Несколько фактов о каждом работнике фабрики – и ты уже хороший сослуживец. Винсент достал из кармана рабочей формы пачку длинных сигарет. Он чиркнул спичкой и закурил. Грэг продолжал стоять рядом, смотря перед собой, давая себе остынуть. Он задумался, а придут ли его дети сегодня встретить его, найдется ли у них время. В последнее время они редко общались. Даже Мэри как-то похолодела, все чаще стала пропадать в театре на работе, меньше улыбаться дома. Казалось, что-то шло не так.

– Нестабильное сейчас время, я тебе скажу, нестабильное, – Винсент выдохнул никотин.
– Это почему же? – Грэг нахмурился. – Вроде, как раз наоборот.

В глобальном плане, как считал Грэг, все именно так и было – стабильная ситуация. В последнее время почти ничего не менялось. Ничего инновационного не вводили, войн не объявляли. Пока над головой чистое небо, а на прилавках продукты потребления, можно не волноваться. Бывают трудные времена, но тьма еще не значит, что света не существует.

– Там, – Винсент кивнул в сторону, – митинги проводят. Говорят, это все – извращение. Будто бы нас против воли здесь держат, издеваются. А выйди я туда и скажи, что все нормально, станут ли меня слушать? Нет, не станут, – Винсент сделал еще затяжку и покачал головой.

– Но мы ведь не там.

– Эх, Грэг, – вздохнул Винсент. – Мы живем в этом мире, на одной планете. Если тебя не интересует, что происходит в паре тысяч километров от твоего дома, то ты дурак. Думаешь, толпу остановят военные? Черт бы там побрал...

– А что я-то могу сделать? – Грэг нахмурился сильнее и сунул руки в карманы рабочих штанов.

– Не знаю, – Винсент покачал головой. – Будешь? – он протянул Грэгу сигарету, тот отказался. – На меня тоже Ви насаждает: брось да брось. А как я могу, когда вокруг *такое*?

– Это отговорки, Винсент, и ты сам это знаешь.

Винсент бросил окурочок в урну и проверил его. Дыма не было.

– Однажды нам всем придет конец из-за прогресса, помани мое слово.

Он ушел. Грэг остался в одиночестве. «Был ли прав Винсент?» – спрашивал себя он. Разве, можно было так просто ответить... Через много-много лет, возможно, и станет известно. Простой ответ на простой вопрос, когда над лазурным небом поднимется первая черная длань. Война неизбежна. Когда-нибудь голос митингов организаций по защите животных станет оглушительным и под марш оркестров лозунгов он ударится в нерушимую стену славного города, удаленного мира, и будет первым, кто сломает эту стену. Зарекаться – опасное хобби. *Однажды нам всем придет конец из-за прогресса...* Грэг покачал головой. Не известно, когда именно и какого прогресса. Новое оружие – тоже прогресс! Но и новые лекарства – прогресс! Опасный реверс простого выживания. Однажды монетка, подброшенная богом, упадет на одну из сторон, и тогда вторая будет сиять.

Кафе находилось прямо на углу Бейкер стрит и Пятой авеню. Уютное местечко, где всегда было приятно провести время. Посетителей приходило немного, или этого просто не чувствовалось из-за просторного зала. Маленькие и большие столики, мягкие диванчики кофейного оттенка, плетенные стулья и фотографии, развешенные по кирпичным стенам. С потолка спускались лампы в коричневых абажурах, на мебели – разные цитаты. И в этом кафе варили лучший кофе в городе. С разными добавками и вкусной выпечкой в подарок. Всегда дружелюбный персонал улыбался и с радостью обслуживал посетителей. Местная группа играла приятную музыку. Нередко их просили сыграть на заказ. Уходить из кафе не хотелось. Обычно там задерживались на час, два, а то и на половину дня. Время в этом кафе шло по-особенному. За вкусным блюдом и чашечкой чая хотелось просидеть вечность. На стойках ничего не лежало – скупали сразу. Всегда свежие десерты и ароматные напитки. В чудесном городе Джанховет «У Глории» стало оазисом.

Роджер зашел через главные двери и окинул зал взглядом. Кит, парень, учащийся на год младше, помахал ему рукой. Роджер улыбнулся и пошел к столику вдоль западной стены. Он упал на диванчик и пожал Киту руку.

– Больше никто не пришел?

– Глоис опаздывает. Тиффани задержали на факультативе. Амелия задерживается. Нил и Рик должны подойти. Я заказал нам кофе. Знал, что ты придешь первым.

Будто по команде подошла миловидная брюнетка и поставила на стол две больших чашки кофе. Роджер и Кит ей улыбнулись и неловко опустили взгляд. Они никогда особо не общались – не доводилось оставаться наедине. Хоть и знали друг друга хорошо, помогали, но дальше их отношения не заходили. Каждый уткнулся в свою чашку, и они потерялись во времени, вздрагивая от каждого потока свежего воздуха, когда открывалась дверь.

– Давно хотел у тебя спросить, – опомнился Кит. – Сможешь подтянуть меня по химии?

– Химии? – переспросил Роджер, подняв глаза. – Да, конечно. Напишешь, какие темы западают?

Кит громко рассмеялся, потом начал терять глаза, будто смахивал слезы.

– Чувак, абсолютно все, – признался он с горечью. – Зато элементы я помню!

– Всем привет! – неожиданно громко поприветствовала их Амелия, падая на диванчик рядом с Роджером. – А мне кофе не заказали? – она состроила обиженную мордашку.

Амелия была девушкой, в которую без ума был влюблен Кит. Правда, он это скрывал, только все, кроме этих двоих, разумеется, и так знали. Кит слегка покраснел и заерзал на месте. Амелия поправила высокий хвост длинных рыжих волос, на ее запястьях забренчало множество разных браслетов. Девушка всегда покупала простую одежду, но носила ее стильно – никто не понимал, как она это делает. Наверно, рыжие все-таки волшебники. Амелия лучезарно улыбнулась и подозвала официанта, заказав себе холодное какао.

– Так, где остальные?

– В пути, – Роджер уронил голову на лапу и с тоской заглянул в пустую чашку.

Через сорок минут уже все подошли. На диванчик к Роджеру и Амелии упала Тиффани, Ник и Рик к Киту, а Глоис пришлось пододвинуть лишний стул к столику. Они все заказали напитки и десерты и первое время говорили о разном, шутили, делились новостями. Как в их обычную встречу. Все были счастливы провести время друг с другом. Хоть, может, наедине они неловко молчали и не находили тем для разговоров, в компании все менялось. Они становились близкими друзьями, крепкой командой, единым целым.

– Предлагаю, испечь ему торт!

– Нил, ты даже не можешь нарезать хлеб, – заметил Роджер.

Нил закатил глаза и откинулся на диван.

– Я не предлагаю, чтобы я его пек! У нас Кит прекрасный повар, я знаю, хоть он это и скрывает.

Кит вжался в стену, заливаясь краской. Он выпустил из рук бокал холодного чая, будто обжегся. Темные каштановые волосы упали ему на глаза, и дыхание участилось.

– Это вовсе не так!

– Нет, так! – подхватила Тиффани. – Его мама говорила моему отцу, что он пек прекрасные эклеры! Как во Франции! – она встрепенулась, распушив перышки. Алые ибисы были очень красивыми, но Тиффани почему-то казалось еще более красивой, чем все остальные. – Торт – отличная идея!

– А что Говард любит больше всего? – спросил Рик.

– Больше всего? – переспросили все эхом.

Они задумались. Вопрос поставил всех в тупик. Они дружили с Говардом так долго, но не смогли ответить на такой простой вопрос. Всех пристыдили их внутренние голоса. Они начали вытаскивать из памяти все мелочи, связанные с Говардом, но, как оказалось, он был очень, очень разносторонней личностью. Никогда не занимался чем-то одним дольше двух месяцев. Перескакивал с мысли на мысль. Жил моментом. Очень импульсивный и веселый. Говард был отличным другом, но... Каждый все же цеплялся за соломинку, выплывающая из потока прошлого. Говард был просто Говардом.

– Он любит гулять, да? – спросил Рик. Все кивнули. – Как насчет поездки куда-нибудь?

– Ты забыл? – упрекнула его Глоис. – Мы не можем выбираться за пределы города.

– А круиз по океану? – подхватил идею Ник.

– По-моему, торт более надежно, – неуверенно заявил Роджер. – В конце концов, с этим точно проблем не будет.

– Ты как обычно, – улыбнулась Тиффани. – Надежность – превыше всего, да?

Роджер смущенно пожал плечами. Он всегда был сторонником рациональности и не видел в этом ничего дурного. Все взяли время подумать и уединились со своими чашками, оставаясь за одним столом. Группа в этот день играла блюз, ласкающий слух. Ничего лучше этого места быть не могло. Новые песни – прогресс. Новый кофе – прогресс. Разве может нечто столь прекрасное и приятное убить? Может. Смерть выглянет из-за угла, который не замечаешь краем глаза, и тогда, когда этого ждешь меньше всего, ее костлявая сильная рука протянется за шейей бедняка, схватит и унесет к себе домой, шепча на ушко колыбельную. А пока все чисто – стоит наслаждаться пустыми углами и поворотами, за которыми никто не скрывается. Прогресс убивает только после множества приятного.

– Мне кажется, надо голосовать, – предложила Глоис. – Кто «за» торт?

Она, Нил, Роджер, Тиффани и Амелия подняли руки. Кит и Рик остались в стороне.

– А что вас не устроило, парни?

– Торт – это глупо, – Рик закатил глаза, развалившись на диване. – Нам не по семь лет. Серьезно, вы думаете готовить торт? А кто его будет делать-то? Глупо!

Тиффани кинула в Рика чистую розовую салфетку, тот снова закатил глаза, но уже не стал ничего говорить, только вздохнул и уткнулся в пустую чашку.

– Решено, – подытожил Нил. – Готовим торт. Но какой?

Все ребята снова поникли, погружаясь в глубокие дебри разума.

– Ванильный? – предложила Тиффани. – Как-то он съел при мне три ванильных мороженых.

– И после этого неделю валялся с отравлением, – хмуро заметил Нил. – Не думаю, что это то, что нам нужно. Может, с виноградным желе?

– А он любит виноградное желе?

– Не знаю, но я его люблю.

– Точно! – воскликнул Роджер. Все уставились на него. – Сделаем ему торт из того, что мы любим! – Непонимающие взгляды чуть смягчились, задумались. Роджер вздохнул и наклонился над столом, чтобы до всех донести свои мысли. – Мы подарим ему то, что сами любим, то есть, самих себя. Ничего ведь нет круче друзей, да?

– А ты у нас романтик, Роджер, – протянул Кит, сложив руки на груди. – Мне нравится идея, а вам, ребята? – он посмотрел на всех.

Возражений не последовало. Началось обсуждение любимых ингредиентов и вкусов, цветов и размеров, которые бы все сочетались друг с другом. И вскоре у них началось получаться нечто прекрасное и невинное, но такое глубокое, первородное – они вкладывали частички своей души и отдавали их своему другу. Каждый улыбался. Им всем было приятно это делать. Друг – это не всегда тот, кто остается рядом в черные времена, но и тот, кто может быть с тобой рядом в светлые, при этом самому оставаясь светлым. Радоваться за близких – благословение, доступное, к сожалению, не всем.

В тот час было много произнесенных фраз, придуманных шуток и пролитого смеха, сильного, даже до слез. И ни капли сожаления или зависти не очернило сердца. Разумы оставались чистыми и свободными, они цеплялись друг за друга. В единстве не только сила, в этом еще и слабость. Но нет и не было, и никогда не будет, чего-то могущественнее. В слабости – сила, сила – в душе. Все словно держались за руки и крепко обнимались, наслаждаясь каждой минутой, каждой секундой, ведь это было по-настоящему невероятное времяпровождение. Не у всего может быть конец. Теплые воспоминания навсегда остаются в сердце и после греют, обнимают, опекают. Человек никогда не будет одинок, если ему есть, что вспомнить.

Когда двери кафе хлопнули в очередной раз, ребята этого не услышали. В зал зашел невысокий мальчик с темно-каштановыми волосами. Он потерял глазик и осмотрелся, затем повернул налево и зашаркал ботиночками. Остановился у пустого столика, потягиваясь. Он будто бы только-только проснулся. Что-то заставило всех замолчать. Тиффани обернулась, предчувствуя неладное. Мальчик сильно выделялся на фоне кафе. Его бы с легкостью заметили где угодно: такие маленькие дети редко ходили одни. Прошелся неприятный холодок, перышки встрепенились. Каждый обернулся и глянул на мальчишку, смотрящего в сторону прилавка. Он широко распахнутыми глазами изучал меню, хотя едва ли умел читать. Броские фотографии и рисунки, должно быть, привлекли его внимание.

– А это кто еще? – покосившись, спросила Тиффани.

– О, это мой младший брат. Джонни. Я вам говорил о нем, разве нет?

Мальчик подошел к столику и окинул всех взглядом с таким видом, будто босс явился проверять подчиненных. От этого невинного ребенка, заспанного и вялого, что зашел минуту назад в кафе, не осталось и следа. Он невозмутимо заявил:

– Я хочу домой!

– А как ты тут оказался, Джонни? – Кит уронил голову на руку, налегая на стол.

– С маминой работы, – Джонни оттянул низ майки и покачался с носка на пятку.

– Ну, в принципе, мы закончили, – ответила Глоис, спасая ситуацию.

Она поднялась с места, за ней и остальные. Все, кроме Кита и Роджера. Они решили дожидаться, когда им расчистят дорогу. Амелия убрала в сумочку блокнот с сделанными записями и поправила прическу. Тиффани убежала первой: вспомнила про тренировку. Она ходила в танцевальный клуб их школы, и прямо сейчас они готовились к межклассовым соревнованиям. Глоис и Амелия прихватили с собой Роджера, и они втроем ушли в магазин за покупками для вечеринки по случаю дня рождения Говарда. Главное, чтобы сам именинник их не заметил. Он мог бы не только узнать про сюрприз, но еще и обидеться, что его не позвали в магазин за компанию. Кит вышел из-за стола к недовольному братишке. Нил и Рик оставляли чайные, споря насчет этого. Когда их эмоции достигли пика, Рик отошел назад и случайно задел Джонни. Мальчик начал плакать. Рик испуганно вытаращил глаза. Нил покачал головой, убирая бумажник в задний карман джинсов.

– Нет, пожалуйста, не плачь! – взмолился Рик, выставляя руки вперед. Он совсем не умел обращаться с детьми, едва найдя общий язык со сверстниками и взрослыми.

Мальчик оттолкнул от себя Кита и зарыдал еще громче.

– Ты расстроил моего брата. Что мне теперь с ним делать? – Кит еще никогда не выглядел таким мрачным. Он сложил руки на груди и насупился, глядя на мальчишку, не подпускающего к себе никого. Джонни знал, что сразу же успокоится, как к нему подойдет с объятиями брат.

– Я-... – Рик растерялся, забыв все слова. – Давай я куплю ему мороженое!

Не дожидаясь ответа, Рик убежал к кассе и начал говорить прежде своей очереди. Его голос звучал действительно надрывисто и истерично, будто стоял вопрос жизни и смерти. Тем не менее, взрослая мадам из очереди не оставила ситуацию без своего ехидного комментария. Мальчик так и продолжал плакать. Рик достал из кармана деньги, оставил их, забирая чашечку с мороженым, и убежал, не дожидаясь чека. У него была паника. Он всучил мальчику мороженое. Джонни принял подкуп. Рик облегченно выдохнул, когда плач прекратился. Кит рассмеялся, хватаясь за живот. Рик удивленно посмотрел на него, потом на довольного Джонни, уплетающего мороженое, и ударил себя по лбу.

– Он такой трюк с каждым проделывает, – сквозь смех отвечал Кит. – Постоянно срабатывает.

– Не принимай на свой счет, – тихо сказал Рик Киту, – но твой брат однажды всех нас обставит.

– Ага, без нитки оставит, – кивнул Кит, поправляя ворот кожаной красной куртки. – Пошли, нам в одну сторону, верно? А куда Нил подевался?

– Нил постоянно пропадает, – Рик махнул рукой и повернулся к выходу. – Потом сам появится. Кит, Джонни – за мной!

Братья переглянулись. Кит подмигнул Джонни, потрепав за волосы, и они пошли за Риком к выходу на яркое солнце, на улыбающиеся дорожки и к самым добродушным в мире домам. По пути они говорили о недавно вышедшей книге и не скрывали своих эмоций. Их искренние слова и переживания насчет, вроде, незначительной вещи заставляли задуматься: а так ли все-таки беспечно и так ли утрачено «молодое поколение»? Ведь в правде есть свет, а свет непременно выведет на нужный путь, и даже если заставит поплутать в поисках верного направления – не беда. Пока в сердце и в глазах есть истина – ничего не страшно. А их сердца пылают ярко, горячо, и тело их полно решимости, пока их разум не отравлен, надежда есть: они честны.

Гулять с друзьями всегда весело. Это отвлекает от рутины, от проблем и склок. Можно сцепиться с кем-нибудь на улице за приятной беседой и поговорить, пока идете в одном направлении. Можно перекинуться парочкой фраз в магазине, в очереди, обсудить горячие темы, высказаться. Можно в аллее на лавочке поговорить по душам с незнакомцем. Всегда можно встретить интересных личностей. Но все они не сравнятся с дружеской беседой. У вас словно одна душа на всех. Вы думаете одинаково, но в то же время каждый по-разному, по-новому. Вам есть, чем поделиться, что рассказать, и есть причина открыться. Вы близки и доверяете друг другу. Доверие – вещь хрупкая и такая ценная, что иногда может казаться, будто она и вовсе миф. Стоит к ней притронуться, спрятать в себя, и почувствуешь ее силу, ее мощь и любовь. Она охватит тебя целиком, но только на время: очень важны определенные факторы. Надо беречь эту находку, ведь все рано или поздно может закончиться.

Вернувшись домой, Роджер потянулся. После того, как он с подругами прошелся по магазинам в поисках нужных продуктов, они заглянули к Киту, где их снова встретил важный Джонни. Немного поболтав и выслушав недовольства друга, они ушли по домам. Было уже довольно поздно. По одежде в прихожей Роджер понял, что Грэг так и не вернулся с работы. Должно быть, он снова остался на внеурочные. План на день ставили невыполнимый, приходилось вечно задерживаться. Роджер зевнул и прошел вперед. В кухне горел свет. Он заглянул и увидел Мэри, работающую над костюмом для новой пьесы местного писателя Робина Ди, сурка. Ходили слухи, он был очень нелюдим и никто точно не знал, где он живет. Роджер несколько секунд смотрел на Мэри, потом вспомнил, о чем хотел поговорить. Сердце отчего-то взволнованно скакало в груди.

– Мам? – Роджер замаялся на пороге.

– Ты что-то хотел, милый? – Мэри подняла голову и перестала шить.

– У моего друга скоро день Рождения. Можно будет сходить?

– У какого друга? – она наклонила голову набок и сощурила глаза. – Только не говори, что это тот олух Фил! Не знаю, куда смотрят его родители!..

– Он не мой друг, – Роджер закатил глаза и отодвинул для себя стул. – Это Говард, мы вместе ходим с ним на физику.

– Говард, который ретривер?

– Нет, Говард, который коала.

– Ах, этот Говард! – Мэри закивала головой. – И сколько ему исполняется?

– Как и мне, шестнадцать.

– Что собираешься дарить?

– Да мы там посоветовали... Это ведь не так важно. Можно будет? В эту субботу, в семь вечера.

– Домой хотя бы вернешься? Ну и над подарком подумай, остался один день. – Говард выжидающе смотрел на нее, и тогда женщина решила ответить прямо, улыбнувшись: – Иди, не стану же я тебе запрещать немного повеселиться!

Весело и благодарно улыбнувшись, Роджер, виляя хвостом, взлетел на второй этаж. Он подпрыгнул и нетерпеливо забежал в свою комнату. Эмоции переполняли его. Он и так знал, что Мэри его отпустит, да и Грэг не будет против, но милая особенность еще не утратилась: умение радоваться простым вещам. Роджер завалился на кровать, раскинув руки в стороны и смотрел на потолок с восхищенной улыбкой. Он, вроде как, получил разрешение быть счастливым. Можно было забыть на короткое время об учебе и стрессе, да обо всем можно было бы забыть! Просто веселиться с друзьями – заслуженный отдых. Потом экзамены, аттестация года, но после – лето! Роджер прикрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Ты не занят? – на пороге показался пухленькая недовольная тень. Роджер вздрогнул и поднял голову. – Помоги мне с математикой.

Бобби сел у стола напротив окна в комнате и включил лампу, раскрывая тетрадь. Роджер вздохнул, подошел к брату и наклонился, вчитываясь в его неразборчивый почерк.

– У нас завтра контрольная, – сказал Бобби, стуча ручкой. – Я кое-чего не понимаю.

– Чего?

– Всего, – Бобби пожал плечами.

Роджер провел лапой по морде, выпрямляясь и без лишних слов подошел к шкафу, около которого стоял стул. Он взял его, вернулся к Бобби и сел рядом. Пододвигая тетрадь к себе, Роджер вспоминал тему из начальной школы и думал, как лучше всего ее объяснить. Бобби сонно моргал глазками. Он был полон решимости. Бобби собирался сдать тест на отлично. Роджер начал объяснять тему, разбирать ее. Вся ночь прошла в семейном репетиторстве. Зато к утру Бобби победно вскрикнул: наконец-то он все понял! Роджер валился от усталости с ног и постоянно зевал, выглядя вялым и рассеянным. Рассвет подкрался незаметно. Результат был достигнут.

Когда наступила заветная суббота, ребята весь день между собой созванивались. Оставалась масса нюансов, про которые они вспоминали на ходу. Например, упаковочная лента. Телефон разрывался в кармане. Если его где-нибудь оставить – начинал трезвонить домашний, и тогда певчий голос Мэри разлетался по всему дому, пока не слышались быстрые шаги лап. Взволнованные напряженные разговоры на разных концах провода. Беготня. Покупки. Жар от печи. Разбросанные ингредиенты. Разлетевшаяся мука. неподобранные наряды. Забытые слова. Все навалилось на друзей в одночасье и росло, росло, пока не исчезло, как по щелчку.

Торт был готов. Такой, какой задумывали. Нежный бисквит с виноградным желе. Прослойка из масла из темного шоколада. Надпись клубничным джемом. Абрикосовая начинка. Большой круглый торт остывал после печи. Он стоял на столе, рядом с еще несобранной коробкой. Наспех купленная лента лежала около плиты. Принесли ножницы. Торопливые ноги семенили по полу, по дорогам, от дома к дому, от заведения к заведению. Солнце клонилось к горизонту, с интересом подглядывая. Убедившись, что в его помощи никто более не нуждался, оно расслабленно покатило вниз из зенита.

– Ты куда? – Бобби сбежал по лестнице.

– На день рождения, к другу, – ответил Роджер, выпрямляясь. – Уроки сделал? Контрольную написал?

Бобби кивнул, слабо улыбаясь. Роджер потрепал его по волосам и подмигнул на прощание. Он вышел на крыльцо, спустился на дорожку, сунул лапы в джинсы и уверенно зашагал, с наслаждением смотря на переливистое небо и вдыхая сладкие ароматы. Как и все остальные, как вся их компания, он побежал к одному дому, самому приветливому в округе, к тому, что этим вечером должен был стать особенным.

Семья коал Ноубл была очень гостеприимной. Они украсили дом к празднику, на заднем дворе повесили гирлянды и флажки, даже веселую растяжку с поздравлением, расставили столики с угощениями и напитками. Пришло очень много знакомых – ребята слышали их с улицы. В окнах дома было видно, как семенила любимая бабушка. Она бегала с Хоуп на руках, а та все просила отпустить ее повеселиться со всеми. Амелия переступала с ноги на ногу, смотря на начало улицы, вдоль которой стояли разные домики. Но все пустые. Соседи собрались в этот вечер в одном-единственном. Идя вприпрыжку, Рик и Нил помахали, увидев подругу. Они пустились бежать и уже скоро обнимали ее в знак приветствия.

– Где торт? – спросила Амелия, привстав на носочки.

– Кит несет его, – ответил Нил.

– В коробке с бантом, – сказал Рик.

– Мы завязывали его целую вечность, – добавил Нил.

– Надеюсь, они не опоздают.

– Нет! – Нил мотнул головой. – Тиффани уже спешит.

– У, – протянула Амелия. – Если уж Тиффани идет, то они точно не должны опоздать.

В ближайшие десять минут друзья собрались. Они поприветствовали друг друга, осмотрели большую коробку, в которой прятался торт, а потом, все вместе, зашли в дом. На кухне их встретил мистер Ноубл и сам Говард. Они жутко обрадовались. Говард кинулся с объятиями к друзьям, а Ричард помог поставить коробку на стол. Каждый, смеясь и радуясь, поздравил Говарда, а его энтузиазм скакал выше и выше. Бабушка с Хоуп на руках поприветствовала ребят и спросила, все ли у них хорошо, как их семьи. Зашедшая с заднего двора миссис Ноубл поблагодарила друзей сына за торт и сказала, что они будут его есть не дольше, чем через сорок минут. Друзья вышли на улицу, взяли бумажные стаканчики с соком и под приятную музыку начали веселиться.

– Этот торт просто нечто! – воскликнул Говард, когда Ричард выкатил на тележке подаренное угощение.

Гости разобрали по кусочку. Кит сильно нервничал. Он надеялся, что получилось неплохо. Его ожидания себя не оправдали: вышло гораздо лучше! Сочный, нежный, в меру сладкий торт таял во рту, заставляя стонать от удовольствия. Кто-то спрашивал рецепт, но Кит только неловко пожимал плечами и смущенно улыбался. Парень оказался доволен собой. Он попробовал последним, и ему тоже понравилось. Блюда, в которые вкладываешь душу, получаются особенно вкусными. С щепоткой любви, приправами смеха, добавленными теплыми совместными воспоминаниями и с украшением наверху из общих мечтаний, надежд и планов.

Понеслись поздравления. Стол для подарков уже ломился. Родители позвали родственников, соседей, коллег – у них со многими были хорошие отношения. Семья Ноубл не конфликтная. Они находили общий язык с каждым. Живя почти на окраине, они чувствовали себя в безопасности, в покое, но это совсем не значило, что общение – не их конек. Говарда Ноубл все любили. Он был веселым парнем, всегда желал хорошего дня или вечера, спрашивал, как дела, и предлагал помощь. Душа компании, очарование учителей и замечательный парень – никто не думал о Говарде плохо. Поэтому и поздравить его пришло много людей и животных. Кто-то даже приехал с другого конца города, кто-то отпросился с работы или подстроил свои планы под этот вечер. Крепкие объятия, теплые слова и искренние улыбки – лучшее украшение вечера. День Рождения всегда особый праздник, но этот Говард запомнит надолго. И совсем не из-за шестнадцатилетия.

– У нас всегда так получается, – сказал Говард. – Сначала думаем, что все хорошо, потом становится плохо, а после – все улучшается. Закон жизни! – он подмигнул, поднимая стаканчик вверх.

Друзья поддержали его радостными смешками, чокнулись и глотнули сок. После побежали на танцпол. Нил подошел к ди-джею, к Тачибане, лисица, приехавшая из Японии. У нее был отличный слух, она всегда одевалась в темные оттенки, почитая прошедшую моду восьмидесятых годов. Нил попросил посмотреть список песен, после выбрал парочку и в благодарность за любезность протянул девушке купюру. Из колонок заиграла любимая музыка. Все вместе, друзья начали танцевать, чувствуя лишь свободу. Ветер был там, вместе с ними, вертелся рядом. И солнце тоже, его лучи активно прыгали. Неразборчивые разговоры взрослых – тоже, они кружились вокруг. По периметру – беззаботный аромат цветов.

Позднее некоторые начали расходиться по домам. Друзья, конечно же, собирались остаться и помочь прибраться. Говард не мог перестать говорить. Таким уж он был, и всем нравился! Тиффани сидела у маленького бассейна. Амелия и Кит помогали миссис Ноубл. Нил и Рик говорили с Тачибаной, одновременно справляясь с аппаратурой. Глоис кружилась по заднему двору, просматривая, никого ли не осталось, не нужна ли кому-то помощь. Роджер держал бумажный стаканчик с соком. Он вышел из дома на крыльцо и посмотрел на ночное, усеянное звездами небо. Сделал глубокий вдох, полной грудью. Роджер облокотился о деревянный столб на крыльце и улыбнулся. Луна ясно светила ему в ответ. Роджер медленно, с наслаждением вдыхал свежий прохладный воздух. И он наконец понял: в Джянховете пахло по-особому, городом, в котором непрерывно играла жизнь, какой бы она ни была.

Глава 3. Я завещаю

Город Джанховет располагался в удивительном месте. По лазурному небу плыли белые корабли, бросая тени на пряничные домики. Большое приветливое солнце обнимало закоулки и широкие дороги, ласкало скамеечки и смеялось вместе с зелеными деревьями. Небольшие автомобили, но, в большинстве своем, велосипеды и скутеры гудели по городу, наполняя его негромким жужжанием колес. Из открытых окон, особенно по утрам, звучал бодрый голос радиоведущего местной станции. Ставили музыку на заказ и передавали срочные сообщения горожан. Кофейни на первых этажах домов благоухали. Каждое утро в небольших магазинчиках меняли яркие объявления на доске для мелков под вывеской. А тяжелая работа тянулась вдоль всего побережья. Начиная с парка развлечений, где вечно шумные дети считали себя непобедимыми, заканчивая огромной фабрикой, где сильные мышцы надрывались, а с тела бежал пот. От океана тянуло морозной свежестью. Ветерок, прилетающий далеко из горизонта, щекотал.

Мисс Торо работала учительницей начальных классов. Ее длинный пушистый хвост вечно волочился за ней. Рыжая кошка, персидской породы, средних лет. Она носила круглые очки, а летом непременно надевала соломенную шляпку с маленьким голубым цветочком на ленте. Мисс Торо любила читать романы эпохи Возрождения. Особенно в свободные вечера, когда все тетради проверены, отчеты заполнены. Таких, к сожалению, выдавалось немного. Ни мужа, ни детей у нее не было. Родители тоже давно сгинули. Она приехала одна, зацепилась за кем-то. Так и устроилась сама по себе. Друзьями не обзавелась, уделяла время себе. Перед выходом мисс Торо обязательно брызгалась старыми французскими духами. Она накидывала легкий шарфик нежно-голубого оттенка, брала тяжелую сумку с работами учеников и неслась на всех порах на работу. В начальной школе только кажется, что легче. На самом же деле, все куда сложнее! Стоит один раз опоздать – выговор от родителей. Не дай бог, если вдруг на праздник вне школы придешь в излюбленном вечернем платье – а если увидят! Но мисс Торо не жаловалась. Она любила свою работу, да и дети ее обожали. Без реверса жизнь была бы скучна.

В один из свободных вечеров – это выпало как раз на конец учебного года, повсюду цвели растения, детишки уже умом отдыхали, а отчеты ждали начала лета – мисс Торо решила приготовить лимонад. Летом она всегда его готовила и потом засиживалась, слушая радио, на веранде, думая о своем. Заглянув в холодильник, мисс Торо разочарованно вздохнула. Лимонов не было. Только лед завалился в морозилке, да пару мелких рыбок. Она в разочаровании хлопнула дверцей и уже пошла в прихожую. Впрыгнула в туфельки и посмотрела на себя в зеркало. Длинные усы тянулись в стороны, приятный рыжий светился на солнышке. Шляпка сидела идеально. Торчали ушки, по полу довольно возился хвост.

Вдруг зазвонил телефон. Трубка подпрыгивала. Мисс Торо рванула в гостиную. Рядом с креслом, на небольшом кленовом столике стоял домашний телефон нежно-зеленого цвета. Крученный провод уходил вниз, как хвост, тянулся далеко-далеко. Мисс Торо взяла трубку.

– Мисс Торо! – позвал ее взволнованный голос. – Мисс Торо!

– Да-да, я вас слушаю!

– Ваш ученик! Филип! Который остался после уроков!

– Как остался? – сердце пропустило удар. – Опять? И мне ничего не сказали?

– Ну, вы уже ушли. – Волнение в голосе на том конце провода становилось менее резким. – Ученики тоже. А этот вернулся и разбил горшок на крыльце! На глазах директора!

– Ох, Филип... – мисс Торо вздохнула и упал в кресло, протягивая лапы в стороны. Шляпка покосилась и упала на глаза, но это уже было не важно. Чип начал колотиться в виске,

и мисс Торо поправила его. иногда такое случалось. Их предупреждали об этом: вначале могут быть трудности.

– Так вот, мисс Торо, вы слушаете?

– Да-да, я вас слушаю, – уже менее оживленно ответила мисс Торо.

– Я еле нашел ваш номер! Поднял все справочники, все архивы! Еле нашел!

– Так вы об этом желали поговорить? Кажется, там что-то с моим учеником, с Филипом... – ее хвост вильнул, и снова мисс Торо на секунду стала похожа на коварную лисицу.

– Да! Да, точно... – голос растерялся, забыв мысли. – Надо срочно прийти в школу! Директор требует! Филипа не могут забрать, а вы же его учитель!

– Я сейчас приду.

Мисс Торо положила трубку на аппарат, посмотрела вдаль на стену с картиной, подаренной кем-то из родителей. Ее взгляд стал совсем безрадостный, даже немного тоскливый. Мисс Торо поднялась, поправила длинную юбку в мелкий цветок, блузу, шляпку и вернулась в прихожую. С детьми всегда что-нибудь случается. Мисс Торо посмотрела на свое отражение и сделала глубокий вдох, закрыв глаза. Подняв веки, она уже улыбалась. Теперь ей стало лучше. Она взяла с небольшой полочки у зеркала баночку французских духов и пшыкнула ими на шею. Посмотрев на себя еще раз, мисс Торо схватила сумочку и выбежала из дома, стуча по дорожке каблучками туфель.

У школы было совсем тихо, будто это и не школа, а кладбище. Ни одной живой души! Начальная школа Джанховета располагалась недалеко от центра города, но ее огромная территория, огороженная забором, стала будто бы звуконепроницаемой подушкой. Без детей это место превращалось в богемный сад. Ухоженные кусты, клумбы, красивые деревья. Особенно красиво было весной, когда расцветали яблони. На детской площадке иногда засиживались дети из средней или старшей школы. Они могли ждать младших или просто коротать время. Их никто не гнал, если они вели себя прилично. На стоянке для автомобилей персонала и детских автобусов – пустошь. Стрелки пробили половину пятого вечера – сонное время для школы. Здание в два этажа в форме квадрата с внутренним двориком песочного оттенка, где стояли столы и скамьи для обедов и отдыха, выглядело приветливо. Дети любили это место. Не потому, что *она* им нравилось, а потому, что *они* ему нравились.

Поднимаясь по ступеням на второй этаж в кабинет директора мисс Торо жутко нервничала. Она не очень любила находиться в школе в вечернее время, хотя частенько засиживалась. Все из-за этой давящей тишины. Школа должна полниться детскими разговорами, вопросами и ответами, чем-то новым и увлекательным – но никак не тишиной. От нее прямо в дрожь бросало! На шкафчики падали косые солнечные лучи. От этого начинало клонить в сон. Полы сверкали от влаги – где-то рядом ходил уборщик. Мисс Торо дошла до кабинета директора и постучала перед тем, как войти.

Из-за стола выскочил Джейкоб Уилсон, енот. Он работал секретарем в приемной перед кабинетом и постоянно наводил панику с пустого места. Хотя, вернее, он слишком сильно переживал по пустякам. Стоило ученику зайти в кабинет директора – а это, безусловно, была не редкость – он звонил учителю, бегал к двери и подслушивал, иногда дозванивался родственником. Хотя, надо признать, благодаря его повышенной бдительности и тревожности Джейкоб Уилсон выполнял свою работу отменно! Он всегда носил брюки цвета хаки и каждый день надевал разные бабочки. В этот раз – в крупный красный горох. Выскочив из-за стола, Джейкоб Уилсон всплеснул руками и на секунду растерялся. Мисс Торо замерла перед ним, глядя на дверь в кабинет директора поверх очков.

– Прекрасно выглядите, мисс Торо!

– Благодарю, – послышался в ответ отстраненный ответ. – Филип еще в кабинете?

Быстро кивая, Джейкоб Уилсон отошел в сторону. Мисс Торо прошла к двери и постучала. Получив разрешение, она зашла в самый типичный кабинет директора: сухой, но с приятными мелочами вроде декоративного цветочка на подоконнике.

– Ох, мисс Торо, прошу-прошу!

Мисс Торо прошла и села в свободное кресло. Филип, склонив голову, сложив руки между бедер, болтал ногами. Суровый директор слегка смягчился. Щеки Филипа полыхали красным. Его светленькие волосы, как пушок птенчика, торчали в разные стороны. Мальчик выглядел прилично, никто бы так и не сказал, что регулярно, раз в месяц, он угождает в кабинет директора за какую-нибудь оплошность: то жвачку на волосы кому-нибудь приклеит, то записку какую-нибудь подкинёт, то выбежит из кабинета во время урока. Либо его подстрекал на это кто-то, либо ему самому нравилось творить ерунду и потом получать за нее. А может, ему просто было скучно, и он думал, что в этот раз его никто не поймает и никто ничего не узнает. Только вот он был невезучим в этом плане, и каждый раз его ловили, и каждый раз все узнавали, и каждый раз его ругали и наказывали. Филип продолжал болтать ногами, а взгляд у него был хитрый, будто он в этот самый момент продумывал очередную проказу – прямо в кабинете директора!

– Знаете, что ваш опять учудил? Разбил горшок на крыльце! Мы, конечно, уже все убрали, но на камерах-то видно, – мужчина постучал ручкой по распечатанным снимкам. – Все видно! – повторил он, переводя взгляд на Филипа.

– Такого больше не повторится! – честно сказала мисс Торо. Она знала, что такого не будет. Будет что-нибудь другое. Каждый раз Филип выкидывал новую проказу. – Я вам обещаю!

– Кого вы пытаетесь водить за нос, мисс Торо? Я прекрасно знаю, что этот негодник вот уже целый учебный год регулярно приходит в мой кабинет! Думаете, я не помню?

И без того суровое лицо директора стало еще тяжелее и темнее. Он поправил огромной рукой галстук. Широкие плечи грузной тенью падали на Филипа и мисс Торо. Даже когда улыбался, директор выглядел устрашающе. Многие дети его побаивались, от того и не делали ничего плохого. А Филип словно специально пытался угодить в кабинет директора. Страшный мужчина с постоянно серьезным видом подходил только лишь для запугивания детей. Хотя не сказать, что он не любил свою работу. Облагораживание школы – его заслуга. Просто вид у него был... слегка неподходящий. Кем он был до Джанховета остается только гадать, и, чтобы не поддаваться первому впечатлению и не опираться на внешний вид, все закрывали на это глаза. Что было «до» – неважно. Важно то, что «сейчас».

– Понимаете, дети такие непослушные. Им хочется приключений. Они смотрят фильмы, читают и видят насыщенную опасностями жизнь. Я, конечно, понимаю, что вести себя деструктивно в отношении общества и порядка не есть хорошо, и ни в коем случае их не оправдываю, но ведь и их понять можно.

– Можно-то можно, – мужчина покивал головой с густыми черными волосами, – а надо ли, если они *нас* не понимают?

– Конечно надо! – мисс Торо поддалась вперед. – Мы же подаем им пример! Если мы не проявим себя с лучшей стороны, то чего ждать от них?

– С лучшей? – переспросил директор, смотря на учительницу. – Мне кажется, для них мы лишь дураки, которые ведутся на их врожденную детскую способность вызывать чувство жалости.

Мисс Торо открыла рот, чтобы ответить, но не нашлась, что сказать.

– Ладно, идите. Еще один раз и исключение. Ну да Филип уже все знает, мы с ним поговорили. Идите.

Директор махнул рукой. Мисс Торо пришла в себя первой. Она похлопала Филипа по коленке, вставая. Мальчик поднялся и направился к двери. Перед тем, как выйти, он смазано

попрощался. Мисс Торо выбежала следом, нервно перебирая лямки сумочки. Сразу за дверью их встретил Джейкоб Уилсон. Он взволнованно прилизывал торчащий между ушек хохолок, только все тщетно. Филип переминался с ноги на ногу, на одном плече у него болталась сумка, почти пустая. Мисс Торо поправила шляпку и тяжело вздохнула, обреченно глядя за окно, на зеленые-зеленые листья. Лазурное небо дарило состояние блаженного умиротворения. Только сейчас было не до этого, и с тяжелым сердцем Мисс Торо оторвала глаза от окна. Она не злилась, не была в гневе. Даже разочарование ее обошло. Лишь покорная смиренность.

Ее взор упал на безразличного Филипа. Он водил пальцем по столешнице рабочего стола мистера Джейкоба Уилсона и, вроде бы, напевал под нос песенку из вечерней телепередачи. Секретарь не знал, куда себя деть. Он чувствовал напряженность, повисшую над ними. Ему хотелось достать ножик, повесить всем фартучки на шею и отрезать кусочек торта от воздуха, налить чаю и включить старенький граммофон, лишь бы все закончилось хорошо. Он судорожно поправил бабочку и манжеты, несколько раз порывался что-то сказать, да только не успевал.

– Иди домой, Филип. Я не стану звонить твоим родителям. Они наверняка уже устали от всех твоих выходок.

Мальчик кивнул и вышел. Мисс Торо смотрела на закрывшуюся за ним дверь еще несколько секунд. Джейкоб Уилсон повернулся к ящику рабочего стола, затем к кабинету директора и метался между двух огней. Мысли кружились в лучших традициях латиноамериканского танца.

– Может, я налью вам кружечку чая? – наконец, спросил Джейкоб Уилсон.

– Может, и нальете, – мисс Торо устало упала в кресло у стены рядом с входной дверью и положила сумочку рядом. – Может, так и надо, – сказала она тише.

Полный чайник начал нагреваться. Вода потихоньку закипала. Заварка испускала свежие нотки ароматов далеких теплых лугов. На секунду в кабинет залетел ворох насекомых, запели дикие птицы, качались цветы на стройных ножках, и приятный ветер игрался на солнышке. Они перенеслись из будничной рутины.

Когда Филип вышел на школьное крыльцо, он остановился. Дверь за ним с грохотом захлопнулась, но парень не пошевелился. Он смотрел на горшки цветов, где совсем недавно был ворох земли, листьев и осколков. Уже все убрали. С такой мелочью точно нельзя войти в историю. Филип не мог перестать глазеть на место преступления, сунув руки в карманы школьных брюк. Он изучал каждую деталь. Все выглядело гармонично и прелестно, словно еще одного горшка никогда не стояло рядом со своими братьями. С детской площадки кто-то побежал, крича. Филипу пришлось поднять взгляд, и он закатил глаза, когда понял, что к нему бежал Бобби Джонс, размахивая рукой, а другой держа портфель. Пиджак школьной формы раздувался, как и отросшие темные волосы. Чем ближе мальчик подбегал, тем неразборчивее и громче становились его слова. Филип выпустил воздух из легких и начал спускаться вразвалочку, надеясь избежать встречи с другом.

– Филип! – крикнул Бобби, задыхаясь. – Подожди меня! Пойдем домой вместе!

Ноги продолжали идти.

Бобби возник из ниоткуда. Он вырос из земли прямо перед Филипом, который чуть не упал. Бобби помог другу встать уверенней на ноги и отдышался. Филип не успел прийти в себя. Все случилось слишком быстро.

– Ну что, как там? – с горящими глазами спросил Бобби. – Пытали? Били? Наказали? Ты им ничего не сказал? Ничего-ничего? А протокол вели? А фотографии делали? А угрожали?

– Боб, ты – дурак, – Филип отмахнулся. – Пересмотрел своих боевиков, а сейчас к людям пристаешь, – вновь сунув руки в карманы школьных брюк, Филип пошел по дороге, выкидывая ноги вперед и задрал подбородок.

Бобби постоял с секунду и рванул за другом.

– Ну, хоть поругали?

– Поругали, – вальяжно ответил Филип. – Сказали: еще что-нибудь вытворю – исключат.

– Исключат, – протянул Бобби, будто пробуя на вкус каждую букровку. – А что еще сказали? – с новым дыханием и волной воодушевления спросил Бобби. – Пометку в личное дело внесут, да?

– Слушай, – Филип резко остановился и развернулся. – Если хочешь узнать – сам туда и попади. А я уже устал тебе столько раз говорить одно и то же. Или тебе слабо?

– Слабо? – Бобби выдвинул грудь колесом. – Не слабо! Захочу – хоть завтра попаду! Только мне это не надо, – он хитро сузил глазки. – Я на стороне добрых, а добрые закон не нарушают просто так!

– Ну, а *не* просто так – скучно.

Бобби замер, а Филип продолжал уменьшаться по мере удалении по залитой золотом дорожке. Он исчез совсем, когда свернул на перекрестке. А дальше пошли люди – один, два, пять, двенадцать, и Бобби понял, что уже слишком поздно. Солнце давно вышло из зенита и уже падало в кровать с облаками. Мальчик ухватился за ремень сумки, тяжелой от тетрадей, и рванул в сторону дома. Он не жалел, что подождал Филипа – так и надо поступать. Подумаешь, покачался на качелях вместо домашки по английскому языку, это не страшно. Бобби быстро бегал. Он хватал ртом воздух и пропускал через себя. Тянуло пряностями и свободой. Бобби чувствовал себя счастливым.

Забежав домой, он быстро скинул обувь, портфель и прошел в кухню, где вкусно пахло. Его мама стояла около стола и готовила полдник – очень важный прием пищи. Только чирканье ножа нарушало тишину. Бобби пригладил взерошенные волосы и посмотрел на холодильник. Обычно его отец писал туда важные дела на день: заводил информацию в систему, и таблоид подсвечивался ярким синим огнем за час до события. Мама, как правило, все держала у себя в голове. Ее лицо всегда освещалось улыбкой. Даже уходя рано утром на работу или возвращаясь домой к вечеру, она не падала духом. Сильная женщина скрывалась за хрупкой фарфоровой маской. С новых пор Мэри всегда носила обручальное кольцо – здесь можно было не бояться, что за него убьют. Она всегда с легкостью на сердце проживала день за днем, и целый дом улыбался благодаря лишь ей одной.

– Дорогой, как дела в школе? – спросила Мэри, нарезаая овощи для салата.

– Все хорошо, мам, – Бобби плюхнулся на стул и начал болтать ногами. – Можно сегодня погулять?

– С кем?

– С Роджером. До папы.

– Только если Роджер захочет, – Мэри улыбнулась.

Бобби вскочил на ноги и выбежал из кухни. Он поднялся на второй этаж и постучал в первую дверь слева. Почти тут же ему глухо разрешили войти. Бобби нажал на ручку и толкнул дверь, просовывая голову в щель:

– Ты не занят?

Роджер обернулся, сидя на стуле.

– А, это ты, – он вильнул хвостом. – Заходи.

Бобби прикрыл за собой дверь и присел на кровать. Он смотрел в пол, на мягкий розовенький коврик. Они молчали. Роджер что-то чертил за столом. Должно быть, делал домашнее задание. Из окна падали приятные оранжевые лучи. Они просвечивали уши Роджера и улыбались на стене. Занавески сдвинули в сторону, и чистое окно открывало прекрасный вид на ухоженный задний дворик соседей и такой же милый домик.

– Ты что-то хотел? – не отвлекаясь, спросил Роджер.

– Погулять с тобой. До папы. Как раньше.

Бобби затаил дыхание. Карандаш шел по бумаге вдоль длинной линейки. Стружка от ластика лежала рядом, между тетрадами и ручкой.

– Наверно, сегодня у меня получится. Ты ведь хотел о чем-то поговорить?

– Я тебе этого не говорил, – Бобби сдвинул брови. – Опять ты за свое.

– Прости. Я всегда знаю, о чем ты думаешь. – Роджер улыбнулся. – Собачье чутье.

Бобби соскочил с кровати и подошел к рабочему столу. Он встал сбоку и чуть поддался вперед. На листе бумаги получалось здание. Задание по черчению. Бобби не любил этот предмет. Он слышал, старшеклассники говорили, он сложный. Особенно учительница черчения, мисс Уикс, очень строгая и не дает ученикам спуска. Бобби следил, как сосредоточенно Роджер выполнял задание. Не сказать, что ему это нравилось, но он был очень ответственным, лучшим учеником в средней школе. Джонсы этим гордились, а Роджер не обращал на свои успехи должного внимания. Он всего лишь делал то, что от него требовали – так уж его воспитали. Усидчивость, послушность и сдержанность – качества, которые могли быть у каждого. Роджер не понимал, что такого сложного придерживаться их хотя бы в стенах школы, чтобы быть на хорошем счету у учителей.

– Мне еще немного. Не хочешь сделать пока свое домашнее задание?

– Мне еще немного задают, – Бобби хитро улыбнулся. – Успею. Вечером.

– Вечером ты опять сядешь смотреть телевизор с папой, а после устанешь и ляжешь спать. Тебе надо быть более собранным. Лучше ничего не упускай, это тебе пригодится.

– Ты скучный.

Бобби провел рукой по столу и вышел из комнаты, закрывая за собой дверь. Тем не менее, он сбегал на первый этаж, забрал портфель, поднялся в свою комнату и сел корпеть над математикой. Больше всех предметов в школе Бобби не любил чтение. Ему казалось, это безумно скучное занятие. Но по математике, как правило, задавали всегда больше. Мальчик старался не отвлекаться. Ему хотелось поскорее отдохнуть и не думать о школе, об уроках или о чем-то еще. Бобби хотелось гулять. Так приятно, когда ветер пролетает сквозь тебя, когда колышутся волосы, а уголки губ сами ползут вверх. Невероятно, когда солнечные лучи напоследок целуют в лоб и уходят на долгие часы, когда выходит ясный месяц и нежно обнимает за плечи, оберегая от кошмаров.

Наступало волшебное время. Отовсюду лился радостный смех, разбавляемой звучной мелодией. Ароматы холодного чая в жаркую погоду были благословением. Тихие разговоры о рутинной ерунде и вежливые замечания вместо комплиментов уносились высоко-высоко в небо. Не спеша парочки прогуливались вдоль улиц, проезжали скиры – экологические машины без дверей и с легким навесом, напоминающие машины для гольфа, они работали за счет первого закона термодинамики, и были довольно популярны в жару, когда в стенах – душно, а гулять – нет сил. Легкие платья и юбки, свободные расстегнутые рубашки, широкие шорты и накинутые шляпы и кепки во благо здоровья. К вечеру температура спадала. В центре города было жарче, чем на окраине: здания накапливали в себе тепло, а перед сном паром выпускали его.

Переодевшись в футболку и тонкие брюки, Бобби отправился на прогулку. Роджер шел рядом, неизменно поправляя солнцезащитные очки. Они ни о чем не говорили, но оба хотели, и напряжение, повисшее над ними темным облаком, лишь накаляло ситуацию. Асфальт стал мягким и прогибался от каждого шага. Впрочем, Бобби это только казалось. Он думал обо всем на свете, чтобы отвлечься. Мальчик ушел так глубоко в свои мысли, что чуть не попал под машину. Роджер одернул его и взволнованно посмотрел. Бобби тоже испугался. После секундного замешательства они оба сделали вид, что ничего не было. Роджер опустил лапу, а Бобби даже не стал одергиваться. Они пошли дальше. Спустились вниз по улице и свернули за дома.

Пляж. Это место всегда было особенном. На него почти никто не приходил в такую погоду в конце весны. Живущие рядом с океаном перестают это ценить. Не все, конечно, но большинство. Бобби снял ботинки и ступил на песок. На лице заиграла улыбка. Роджер смотрел на тихий и бессмертный океан. Он скучал по нему. Из-за школы, экзаменов, учебы в целом он сильно переживал и стал гулять гораздо реже, чем хотелось бы. Бывало, он ложился в кровать и понимал, что что-то забыл. Вспомнить ему не удавалось, ведь он этого и не планировал: повидаться со старым другом, океаном. Вода в нем всегда была чистая, приветливая. Свет весело играл с волнами. И целое подводное царство принимало в гости. Будучи еще щенком Роджер чуть ли не каждый день, когда позволяла погода, плавал. Он помнил, каким счастливым тогда был, и как громко лаял от радости, когда вновь выныривал из-под захлестнувшей его волны. А сейчас его стягивали обязательства, и хоть рубашка свободно раздувалась, а бриджи болтались, он понимал, что не мог все бросить и рвануть на встречу желаниям. Может быть, летом... Бобби оставил ботинки и побежал вдоль по пляжу.

Его небольшой силуэт то приближался, то удалялся, то поднимался выше, то опускался. Когда Бобби вдоволь набегался, спустился к воде и сел, прижимая к груди колени. Роджер неспешно пошел к нему. Он снял солнцезащитные очки и повесил на нагрудный карман рубашки. Они помолчали. Приливные волны океана щекотали пальцы ступней. Роджер отодвинулся дальше. Бобби выводил рисунки пальцем, но тут же их стирал. Он посмотрел перед собой на дальний чистый горизонт.

– Здесь очень красиво, – казалось, Бобби сказал это неосознанно.

– Да, очень красиво.

– Здесь своя атмосфера. Весь город – другой. Это особенное место.

Роджер вновь кивнул в знак согласия.

– Ты понимаешь? Я хочу оставить что-то после себя. – Он прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. – Я чувствую свободу в этом месте. – Он посмотрел вокруг, обводя взглядом невероятный пейзаж с медленными переливами красок и игрой солнечных бликов. – Я хочу, чтобы наши предки тоже почувствовали это. Хочу сохранить это.

– Ничто не вечно.

– Ты слишком мрачный, – Бобби вздохнул и уронил голову на колени.

Роджер приобнял его за плечи и немного поддался вперед.

– Я понимаю, о чем ты. Твои дети обязательно придут на это место и почувствуют то же.

Ты подаришь им это чувство.

Бобби улыбнулся уголком губ и вздохнул, подложив под подбородок ладони.

– Говорят, во внешнем мире все не так хорошо, как у нас. Я слышал, как мисс Торо рассказывала о своей старой жизни, – его взгляд с грохотом упал на дно океана. Бобби посмотрел на Роджера. – А я тоже тебя не понимал? Когда мы были там?

– Наверно. Я плохо помню, что там было. – Роджер посмотрел на океан серьезными черными глазами. – Помню, там было очень холодно.

Он притронулся к диоду. Некоторые снимали его на ночь. Например, Стив из его класса иногда снимал на перемену и подстрекал свою компанию делать так же: им не нравилось, что их мог подслушать их учитель. Некоторым возможность снятия диода дарила власть и комфорт, а кому-то внушало страх. Не страх силы, страх лишения. Роджер так боялся, что его не смогут понять. Казалось, без этого его жизнь полностью разрушится. Его семья перестанет его понимать – невообразимо! Роджер боялся этого больше всего на свете, поэтому, рискуя получить побочные эффекты, не снимал диод никогда. От воды он не портился, а других проблем и не было. Роджера нельзя было назвать общительным, он ходил серьезный и сосредоточенный, будто в своем мире. Молчать по возможности – одно, молчать по принуждению – совершенно другое.

– Нам пора идти, – сказал Роджер, поднимаясь.

Бобби встал следом. Он побежал за ботинками. Роджер подошел к нему, надевая очки. Мальчишка быстро обулся, встал и снова снял ботинки. Он сел на песок с недовольным выражением лица. Бобби вытряхнул песок из одного ботинка, потом из другого, только после снова надел. Он гордо поставил руки на бока и выкатил грудь колесом. На пляже все еще никого не было, и шум города терялся за песней океана. Бобби весело рассмеялся и поднял кулачок вверх, чтобы Роджер его отбил.

– Никогда этого не любил, – хмуро ответил он.

– Твой хвост говорит об обратном!

Роджер оглянулся. Его хвост действительно радостно и нетерпеливо вилял. Роджер стал мрачнее тучи, но все-таки отбил кулачок Бобби, и тот улыбнулся еще ярче.

– Я тоже знаю, о чем ты думаешь! – он высунул язык, а потом развернулся и рванул вперед.

Через тринадцать минут Роджер и Бобби добежали до работы отца. Его смена как раз закончилась. Кое-кто уже выходил на улицу и с чистым сердцем направлялся домой. Жара никак не спадала. Бобби подошел к забору из тонкой сетки и перевалился через него по поясу, смотря на сложные механизмы погрузки товаров на судно и каменистый берег океана. Сейчас в порту, находившемся чуть дальше по береговой линии, никого не было, лишь несколько лайнеров и круизных яхт, но бывали такие дни, когда там стояли огромные корабли, способные увезти на себе целый город. Бобби восхищался ими. Каждый раз он останавливался, задирал голову и восхищенно смотрел на блестящие покрытия и непробиваемую мощь, скрытую в каждом миллиметре.

Через пять минут, когда вышли последние работники, показался и Грэг. Он закрыл служебный вход, обошел территорию фабрики, чтобы убедиться, что все в порядке, а затем поприветствовал Роджера. Они улыбнулись и пожали друг другу ладони. Бобби слегка испугался, когда к нему, замороженному портом, подошли со спины, но не собирался этого признавать, и все трое рассмеялись. Они пошли в сторону дома. Грэг нес легкий портфель, где болтались некоторые документы и пустой чистый контейнер из-под обеда. Он спрашивал своих сыновей о делах в школе, учебе и их планах на лето, но каждый не отвечал ничего конкретного, отмалчивался и делал вид, что не слышал, смотря по сторонам, на сладкие домики и благоухающие кафе. Тогда говорить начал Грэг.

По обыкновению, он рассказывал былые истории. Интересные случаи с работы, в основном. Как-то им доставили огромную фигурку мальчика, например. А сегодня Грэг стал свидетелем стычки между Патриком, попугаем, и Бренденом, антилопой. Они не поделили поставку металла. Сцепились из-за мелочи. Каждый защищал свою бригаду. Грэг просто проходил мимо, как раз возвращался с обеда, но не смог оставить все, как было. Вразумить враждебно настроенных всегда трудно, особенно если они могут кричать громче тебя. У Грэга уже давно выработалось качество, как говорила Мери, непобедимая харизма, благодаря которому его всегда слушались и, как правило, даже соглашались с ним. Грэгу нравилось делать добро. В *том* мире каждый был сам за себя: одному плохо, а тебе – хуже. Там выживали. В новостях этого не говорили, но каждый, кто в сознательном возрасте пошел на эксперимент, знал, что *там* до сих пор выживают. Открытый мир не открыт для счастья; оно давно изжило себя в тех краях.

Дорога сворачивала на тропинку – узенькую улочку между домов. На ней всегда было тихо. Иногда, совсем не часто, Грэг сворачивал на нее, возвращаясь с работы. Так было длиннее. В особенно хорошую погоду и с приятной компанией хотелось насладиться моментом, хотелось хвататься за блаженные чувства и окутываться ими.

В доме уж давно царил покой. Взрослым много не надо. Вернувшись из школы, мисс Торо не потеряла настрой на отдых. Она его заслужила. Она зашла по дороге в магазин и включила в кухне радио, распаковывая покупки. Нашла волну, где крутили песни местных музыкальных групп, что играли на улицах, в кафе и ресторанах. Некоторых из них даже приглашали в школу.

Как-то перед Рождеством играла одна замечательная группа – «Кольца Радуги», мисс Торо она очень понравилась. Она даже купила их диск на ярмарке весной и включала временами. Новая жизнь в новом мире – то, что нужно всем. Вечерами мисс Торо выходила на веранду. Там стояло кресло и небольшой столик, висели небольшие огоньки, зажигающиеся сами, как темнело, а через открытое кухонное окно лилась музыка... И на душе было хорошо. Мисс Торо довольно улыбалась. Ей нравилась пустынная улица, по которой в такой час почти никто не ходил, лишь в слишком оживленные дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.